

Диденко Борис Андреевич.

Сумма антропологии
(кардинальная типология людей).

Оглавление

Введение.....	1
Происхождение человеческих видов.....	2
Палеоантроп: сверхживотное.....	5
Диффузный вид: человек разумный.....	13
Суггесторы: псевдолюди.....	16
Неоантроп: человек духовно эволюционирующий.....	21
Государство и разум: ниспровержение эусоциальности.....	26
Заключение.....	30

Диденко Б. Сумма антропологии (кардинальная типология людей). — [М., 1993]. — 62 с.

Здесь “антропология” понимается согласно “пожеланиям” Г. К. Честертонa: “Homo Sapiens может быть познан лишь в связи с sapientia... Должна существовать антропология, изучающая человека, как изучает Бога теология”, что, впрочем, слишком лестно для человека, и к его “делу” в таком же ключе следует приобщить психопатологию, криминологию и т. п. “человеческие, слишком человеческие” дисциплины.

© Борис Диденко, 1993.

“Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами”.

Н. В. Гоголь

Введение.

Беспредельная жестокость, столь ярко и щедро демонстрируемая человечеством, не имеет аналогий в мире высших животных, но в то же время она странным, парадоксальным образом сопоставима — вплоть до буквальных совпадений — с нравами, царящими в жизни существ, весьма далеких от рассудочных форм поведения: насекомых, рыб, и даже одноклеточных организмов, типа бактерий, вирусов. “Человек разумный разумный” ведет себя нисколько не “умнее” пауков в банке. А по отношению к среде обитания - для Земли — “цивилизованное” человечество ничем не лучше канцера метастазийного типа. Что же кроется за этим невероятным, но очевидным совпадением?! Еще один эффектный образчик того, что крайности сходятся? Впечатляющий пример единства противоположностей? Или это все же не что иное, как вопиющее и знаменательное свидетельство того, что человек и его разумность не совсем естественно совмещаются и далеко не идеально подходят друг другу? Уж не взвалил ли человек на себя непосильную ношу? И не раздавит ли его бремя разума?!

Более 14,5 тысяч войн при четырех миллиардах убитых. За все историческое время в общей сложности насчитывается всего лишь несколько “безвоенных” лет. Люди “практикуют” 9 видов насилия при 45 их разновидностях — и эти цифры судя по всему устаревают, точно так же как и “набранное” количество войн. Всю эту чудовищность существования и “сосуществования” человеческих популяций невозможно понять без выяснения причин ее возникновения.

Многочисленность научных работ, посвященных вопросам антропогенеза, ни в малейшей степени не влияет на неизбежность местонахождения “воза” с проблемой происхождения человека. Хотя и нельзя сказать, что тянут этот “воз” так уж и в разные стороны. [3]

Большинство палеоантропологов занимается всего лишь корректировкой и уточнением и без того немногочисленного списка возможных предков человека и его “отставших попутчиков”.

Возраст человека постоянно отодвигается в глубь миллионолетий. В то же время практически нет возражений против утверждения о том, что становление человека современного типа дело времен не столь уж и минувших, и измеряется оно всего лишь десятками тысячелетий. И появление кроманьонца “в археологическом плане — это взрыв”!

По-видимому, критерием истинности такого рода теорий, т. е. касающихся вопросов неизвестного начала некоего длящегося процесса, может служить лишь их применимость и прогностичность по отношению к дальнейшим фазам описываемого этими теориями процесса. Это примерно то же самое, что используется в “гипотезном” методе физики больших энергий, микромира: теория признается тем ценнее, чем больше непонятных фактов ей удастся объяснить и связать воедино. Но если в физических исследованиях можно смело надеяться на проверку выдвигаемых гипотез в будущем — на обнаружение кварков, открытие (или “заккрытие”) монополей и т. д., то в вопросах анализа событий канувшего в небытие прошлого на подобную “рассудительность временем” рассчитывать явно не приходится, и поэтому объяснительное значение “измышляемых” здесь гипотез и концепций необычайно возрастает, становясь практически единственным корректным критерием их правоты, верифицируемости.

В этом плане весьма примечательна концепция становления “человека разумного”, выдвинутая в свое время профессором Б. Ф. Поршневым и являющаяся как бы “предельным” вариантом множества всех теорий, разделяющих идею генезиса сознания на базе раннесоциальных структур. Согласно этой концепции, человечество приобрело, “заработало” себе рассудок в результате прохождения в своем развитии страшной стадии “адельфофагии”, т. е. умерщвления и поедания части представителей своего собственного вида. Другими словами, в палеоантроповом — до этого “безгрешном” — стаде произошел вынужденный, обусловленный внешними экологическими обстоятельствами переход к хищному поведению по отношению к представителям своего же вида. Если же теперь внимательнее и пристальнее взглянуть на эти взаимоотношения последних палеоантроповых гоминид, а их неизбежные ближайшие следствия проэкстраполировать во времени, сопоставив их с событиями всего исторического периода и фактами современности, то сразу же возникает прочная “связь времен”, удивительная преемственность исторических событий, ставящая все на свои места, а многие ключевые, доселе непонятные вопросы в жизни людей и общественных отношениях получают наконец-то свое разрешение.

И хотя по своей значимости все это сравнимо со снятием шор с глаз человечества, но, к величайшему разочарованию, открывающаяся при этом “прозрении” картина человеческих [4] взаимоотношений с видом на их механику и подоплеку оказывается столь удручающей и малоутешительной, что невольно возникает аналогия с приходом в себя смертельно больного человека и осознанием им всей жути случившегося с ним и безнадежности его нынешнего положения...

Происхождение человеческих видов.

“Если ты хочешь понять что-либо, узнай как оно возникло”.

Б. Ф. Поршнев

Наиболее важным моментом, поспособствовавшим этому “грехопадению” палеоантроповых гоминид, можно считать то, что не будучи хищниками, включившиеся в биосферу как падальщики, использующие оппортунистическую стратегию добывания пищи путем собирательства и некрофагии, эти предтечи людей не имели, естественно, и тех врожденных запретительных механизмов для разрешения внутривидовых конфликтов, которыми обладают, за редкими исключениями, все плотоядные животные (“ворон ворону глаз не выклюет”), и поэтому практика убийства себе подобных при своем возникновении не встретила физиологического отпора. И именно таким вот “самоубийственным” образом и произошло расщепление вида позднейших палеоантроповых гоминид на почве “специализации” особой, поедаемой части популяции. В результате этого образовались два поведенчески резко отличающиеся друг от друга подвиды “кормильцев” и “кормимых”, и будет совершенно правомерно говорить о превращении вида уже в семейство, которое можно определить, как “становящееся человечество”.

Именно эти взаимоотношения в “новоявленном” семействе и создали условия для возникновения мышления, для появления — в павловских терминах — “второй сигнальной системы”. У ее истоков лежит не надбавка к “первой сигнальной системе”, не особый способ обмена информацией, а весьма специфический род влияния одного индивида на действия другого, именуемый “интердикцией”, и уже на заре человечества появляются приказывающий и повинующийся. Вот отсюда-то и ведет свое “благородное происхождение” эта столь знаменитая

непомерная агрессивность определенной [5] части людей и — латентная, не раскрывшаяся полностью форма этого “реликта” — авторитарность.

Таким образом речевая материя, как и мышление, сводится в своей основе к повелению и подчинению. Речевое обращение — если и не приказ, то все же повеление принять к сведению информацию. Вопрос — повеление ответить. Этот повелительный характер звуковых сигналов человеческой речи есть следствие именно того, что “пра-речь” первоначально состояла лишь из приказов, требований и повелений. Это обстоятельство отчетливо прослеживается и в современных языках: *hórchen* и *gehórchen* — в немецком языке, *obedio* (*ob-audio*) — в латинском, *sma* — в иврите, *akogo* — в греческом обозначают “слушать”, но в то же время имеют и смежное значение “повиноваться”, “слушаться”, что и было первоначально — в пра-языке — единственным и основным значением. И необходимо признать эту понятийную двусмысленность необычайно глубокой, раз она смогла сохраниться в языках, невзирая на нею калейдоскопичность процессов лингвистической дифференциации.

Судя по всему, разум и не мог бы возникнуть в результате постепенной, плавной эволюции гоминид. Об этом весьма убедительно говорит и соотношение времени “неразумного” существования гоминид с уже предостаточно большим мозгом — свыше миллиона лет, и времени становления “человека разумного” — всего лишь десятки тысяч лет. Эта разница — в два порядка — достаточно красноречива. Хотя и нельзя все же в полной мере отрицать вероятности и возможности того, что через миллион-другой лет гоминиды смогли бы прийти к “тихому”, неагрессивному рассудочному поведению и без эксцессов адельфофагии.

Но вообще-то не в пользу эволюционного пути говорит и то, что разум все же невыгоден на ранних стадиях своего развития, невыгоден даже для отдельного организма, ибо делает его поначалу совершенно беспомощным. Разум, а точнее, именно его беспомощность, незначительность “момента трогания” должна была оказаться “полезным” приобретением для кого-то другого, им не обладающего: т. е. для той части популяции палеоантроповых гоминид, которая биологически утилизировала другую ее часть — пассивную и повинующуюся.

Подобные взаимоотношения “односторонней выгоды” предполагают у поедаемой части популяции наличие таких качеств, как послушность, внушаемость, иными словами, беспрекословное подчинение интердиктивным приказам доминантных палеоантропов — “главарей”. Вот эта-то самая внушаемость, “суггестивность” и стала в итоге стержнем сапиентации, оразумения гоминид, ибо часть “кормильцев” в целях самосохранения пошла по пути усложнения интердиктивного взаимодействия. С точки зрения животного все это выглядело как несомненное “сумасшествие кормильцев”, и человек таким образом в самом деле является “большим животным”. Действительно, от целенаправленного все его [6] существо страха он становится как бы невротиком: у него происходит так называемая “ультрапарадоксальная инверсия процессов центральной нервной системы”, при которой положительный раздражитель вызывает торможение, а отрицательный вызывает положительную реакцию, возбуждение. Это негативное, патологическое и гибельное явление для животного превратилось в опору принципиально новой формы торможения, ставшей у человека положительной нормой его высшей нервной деятельности. Этот “уточненный диагноз”, поставленный профессором Поршневым позволяет определить человека как “животное наоборот” (Б. Ф. Поршнев, “О начале человеческой истории”).

Отмеченное “заболевание” соответствовало появлению в структуре центральной нервной системы в дополнение к двум функциональным блокам (первому — сенсорно-афферентному, осуществляющему прием, анализ и ассоциирование раздражения, и второму — эффекторному, ответственному за двигательные и вегетативные реакции) третьего — суггестивного, регулирующего восприятие по второй сигнальной системе. Этот суггестивный блок и стал выполнять функцию, которая раньше была разделена между двумя индивидами (“мышление — это внутренний диалог”). В морфологии головного мозга эта модификация выразилась в появлении развитого префронтального отдела лобной коры в верхней его части за счет уменьшения затылочной доли.

В результате этих процессов антропогенеза (точнее, антропоморфоза) в неустойчивом, переходном мире становления раннего человечества образовалось весьма и весьма специфическое, очень “недружественно” настроенное по отношению друг к другу семейство рассудочных существ, состоящее из четырех видов. В дальнейшем эти виды все более и более расходились по своим поведенческим характеристикам. Эти виды имеют различную морфологию головного мозга. Два из них являются видами *хищными*, причем — *с ориентацией на людей!*

Хищность определяется здесь как врожденное стремление к предельной или же чудовищно сублимированной агрессивности по отношению к другим человеческим существам. Именно эта противоестественная направленность хищности на себе же подобных и не позволила — из-за дистанционной неразличимости — образовать видовые ареалы проживания, а привела к

возникновению трагического симбиоза, трансформировавшегося с течением времени в нынешнюю социальность.

Первый вид (хищный!) — это *палеоантропы*, предельно близкие к своему дорассудочному предшественнику, “биологическому прототипу” — подавлявшему с помощью интердикции волю людей и убивавшему их. Это мрачные злобные существа, зафиксированные в людской памяти с самых ранних времен в дошедших до нас преданиях о злых колдунах-людоедах. [7]

Второй вид (также хищный!) — это *суггесторы*, успешно имитирующие интердиктивные действия “палеоантропов”, но сами все же не способные противостоять психическому давлению последних.

Третий вид — *диффузный*. Это те самые поедаемые суггеренды, не имеющие средств психологической защиты от воздействия жутких для них, парализующих волю к сопротивлению импульсов интердикции. Это — “человек разумный”.

Четвертый вид — это *неоантропы*, непосредственно смыкающиеся с диффузным видом, но сформировавшиеся несколько позднее. Они более продвинуты в направлении сапиентации, оразумения, и способны — уже осознанно — не поддаваться магнетизирующему психологическому воздействию интердикции. “Неоантропов” следует считать естественным развитием диффузного вида в плане разумности.

Именно эта классификация, на наш взгляд, является *кардинальной типологией людей*. Все остальные систематизации человеческих типов от Гиппократов до К. Юнга, Э. Кречмера и Т. Адорно классифицируют людей лишь по второстепенным и опосредованным, с нашей точки зрения, характеристикам. Все они как бы с разных позиций “очерчивают” внешние, поверхностные признаки человеческого “головоломного кубика” или же выделяют и описывают отдельные его “ребра”. “Кардинальная” же типология сравнима с разъединением “человеческой головоломки” на свои составные части, после чего ее загадочность исчезает.

Неопровержимым эмпирическим доказательством предложенной типологии людей является “асоциальное моделирование”. Именно так будет правомерно поименовать тот общеизвестный жизненный факт, что при всякого рода крупных катаклизмах (стихийных, революционных, милитаристских...) очень многие человеческие сообщества распадаются на “малые группы” — на враждующие между собой банды, “феоды”, построенные по принципу “тюремно-камерного социума” — этой постоянно действующей асоциальной модели, ставшей уже классической в своей невеселой популярности. Главарь (“пахан”), “свита приближенных” (несколько прихлебателей, “шестерок”) и более-менее многочисленная послушная “исполнительная группа”. Такое самопостроение при снятии уз официальной социальности предельно точно вскрывает и демонстрирует кардинальный, видовой состав человечества.

Это — лежащее на самом виду и удивительно, подобно кунсткамерному слону из басни Крылова, незамечаемое — доказательство этической неоднородности человечества по своей сути есть не что иное, как проявление произвольного, естественного возврата к прежнему состоянию при предоставлении возможности “нестесненного”, не ограниченного социальными рамками поведения. Собственно говоря, большинство и официальных общественных структур [8] в той или иной мере приближаются к указанному “классическому” построению, и в первую очередь это относится к властным структурам: государственным и др. Действительно, столь сильное поведенческое различие, возникшее при переходе к хищному внутривидовому поведению, с учетом продолжавшихся промискуитетных отношений, не могло дать в итоге однородную до какой бы то ни было степени популяцию потомков.

Будет уместной иллюстрацией сравнение человечества с Семейством Псовых, в котором примерно так же (со)существуют волки, шакалы и собаки разнообразнейших пород — этих последних абсолютное большинство. И в нашем контексте понимания хищности карликовая такса гораздо ближе и роднее огромному сенбернару, нежели волк — по отношению к овчарке. Т. е. хотя этих последних и отличить-то друг от друга внешне затруднительно, тем не менее самое важное различие между ними состоит в том, что такой “серый братец по крови” может запросто и с превеликим удовольствием сожрать зазевавшуюся подружку.

Использование здесь ставшего знаменитым благодаря Ч. Дарвину понятия “вид” возможно вызовет некоторое недоумение у лиц, обеспокоенных видовой чистотой человечества и потому способных усмотреть в этом кажущееся покушение на биологическое единство людей. Но так как описываемые различия между людьми относятся к морфологии головного мозга, имеющего все же некоторую специфику и ряд существенных отличий от соответствующего органа у животных, то поэтому и проявления этих различий имеют свои особенности, ибо относятся они главным образом к мыслительной деятельности, к нравственности, т. е. к параметрам, не имевшим до сих пор иной классификации кроме эмоционального к себе отношения и предвзятых оценок в русле субъективных трактовок понятий Добра и Зла. В связи с этим таксономическое определение

“вида”, как совокупности особей дающих — потенциально или реально — репродуктивное потомство, в применении к человеку в нашем ракурсе видится явно не приемлемым. Но указанные различия между людьми столь существенны и значимы по своим социальным следствиям, что именно они оказываются ныне решающими факторами в вопросе выживания человечества. И поэтому в традиционном понимании возможно и некорректно примененный — “громкий” термин “вид” призван обратить внимание истинно гуманных людей на сверхсерьезность излагаемой проблемы.[9]

Палеоантроп: сверхживотное.

“Горе тем, которые замышляют грех и обдумывают злодеяния на ложах своих, а утром на рассвете совершают их, ибо в их руках сила... Ненавидите добро, любите зло: сдираете кожу с них и мясо с костей их”.

Михей, 2:1, 3:2

Внутривидовой агрессор — палеоантроп — явился как бы “злым гением” человечества — в гегелевском оформлении этого понятия, т. е. как мать является “гением” своего ребенка (здесь конечно же подразумевается внеэтический аспект). Совершив патологический переход к хищному поведению по отношению к своему же виду, палеоантроп-агрессор привнес в мир гоминид страх перед “ближним своим”; закрепляясь генетически, этот страх стал врожденным. Это “страшное наследие” проявляется у людей уже в раннем детстве в форме “боязни посторонних”, когда ребенок 5–7 месяцев начинает отличать “своих” от “чужих” и испытывает страх при приближении незнакомого человека, хотя и не имеет отрицательного опыта общения с ним. Реакция “боязни посторонних” наблюдается у всех народов мира.

Эта боязнь — всего лишь отголосок того древнего Прастраха, ставшего бичом популяции гоминид, разбившим ее на виды, разобщившим и рассеявшим человечество. И хотя биологические палеоантропы — внутривидовые агрессоры, первоубийцы — в ходе лавинообразного становления “человека разумного” были уничтожены, но потомки их остались в составе рода человеческого, точно так же, как осталась и их агрессивность по отношению к людям.

Практически все сообщества высших животных строят свои взаимоотношения иерархически, образуя привилегированные ступени из альфа-, бета-, гамма (и т. д.) — особей. Понятно, что это “неравноправие” должно обостряться в неблагоприятных, экстремальных условиях. Но лишь у позднейших гоминид, предтеч людей, это “иерархическое строительство” дошло до устойчивой смертоносной агрессивности, что и привело к осознанию (уже — человеком!) реальной смертельной опасности, исходящей от такого же, как и он сам, существа. Именно таким образом и происходит страшное открытие человека (также и в смысле *открытия* нового — уже человеческого — пути): Я могу быть убит таким же существом как и Я! И в этом озарении-прозрении заключалось буквально все: и [10] самоосознание, “овладение собой, как предметом” (по определению П. Тейяра де Шардена), и вероятностное прогнозирование будущих событий, т. е. все то, на чем зиждется человеческий рассудок.

Одновременно при этом осознании (иначе говоря — при рождении рассудка) происходит и неизбежное запечатление, “импринтинг” хищного поведения, в результате которого убийства себе подобных предстают перед рассудочным человеком на долгие века, как естественные. В этом плане “импринтинг человекоубийства”, ставший величайшим трагическим заблуждением человечества, видится как высочайшая цена, уплаченная людьми за приобретение ими рассудка.

Поэтому-то людям и стало “тесно” в смысле сосуществования с себе подобными: людоедство стало неотъемлемым атрибутом — в начале — экологии популяции, а затем “успешно” перекочевало и в быт сообществ. Именно этим и объясняется дивергенция человечества. Ничем иным не объясним факт заселения людьми всех хоть как-то пригодных к обитанию территорий Земного шара. За несколько тысячелетий разбегающимися друг от друга первобытными популяциями были преодолены такие расстояния и препятствия, “покорить” которые было бы не под силу никаким иным представителям животного царства. За время последнего ледникового периода человечество распространилось практически по всей планете, незанятыми остались лишь полярные зоны и некоторые из отдаленных островов.

Наконец, Земной — шар перестал быть открытым для свободных перемещений, и его поверхность покрылась “антропосферой” — системой замкнутых этносов, взаимообособленных

человеческих сообществ, пользующихся своим собственным языком, как средством защиты — с помощью непонимания — от чужих повелений и агрессивных устремлений. Отголоски этой древней защиты людских этносов при помощи “языкового” обособления прослеживаются в наличии современных жаргонов (арго) у многих социальных групп и слоев, а также — в тайных организациях с эзотерическими формами общения. И наоборот, в географических областях с уплотненным населением и повышенным агрессивным межобщинным настроением одновременно возникает, развивается и поддерживается также и разнь лингвистическая, при которой чужая речь взаимно считается тарбарщиной. Свое наречие в каждой деревне Новой Гвинеи, сотни языков на Кавказе, десятки диалектов в странах Западной Европы, взаимовысмеивающие областные говоры России.

Дивергенция человечества завершилась неустойчивой стабильностью, состоянием “недоброжелательной общительности” в отношениях между людьми (“квазимиролюбивости” по определению Т. Веблена) и враждой между группами. Началась человеческая “история”: общеизвестное нагромождение фактов бессмысленных чудовищных взаимоистреблений и жуткой череды непрекращающихся насилий людей друг над другом. Началось — принявшее [11] затем лавинообразный характер — изготовление и усовершенствование орудий убийства со смежным подпроизводством “остроумных” приспособлений для пыток и истязаний. Природа оказалась беззащитной перед вооруженным человеком, а в свою очередь человек выявил себя совершенно неспособным к “разумному” использованию так трагически “свалившегося на его голову” рассудка. Он по-прежнему шел окольным, недомысленным путем проб и ошибок, в основном — страшных и дорого обходящихся и ему, и Природе. Самым же зловещим симптомом в этом откровенно выраженном недоумии человечества является полное игнорирование им горьких и страшных уроков истории.

Адельфофагия, выполнив роль детонатора агрессивности, “повышающе” трансформировалась в охоту за чужаками и соседями. Это даже стало своего рода “подсобным хозяйством”: так, еще с сотни полторы лет назад негритянские племена использовали в качестве боевого клича не какое-нибудь “цивилизованное” “виват!” или “банзай!” “высокоразвитых культурных народов”, а простой и наглядный призыв, приглашение к потенциальной трапезе: “Мясо!”. Возникло и ритуальное оформление каннибализма. Во многих местах появляются “хобби” по типу “охоты за черепами”. Европейские первооткрыватели застают за всеми этими “увлекательными” занятиями народы Африки, Америки, Австралии, Океании, Новой Гвинеи, Индонезии. Да даже и те же вроде бы и цивилизованные японцы во время Второй мировой войны поедали сырую печень, вырезаемую ими у пленных американцев. Лишь с пару десятков лет тому назад в Папуа — Новой Гвинее был принят наконец-то закон, запрещающий “древний народный обычай” поедания мозга у умерших соплеменников. В Тропической Африке “новейшие адельфогурманы” разрывают свежие могилы и “лакомятся” трупами; в тамошних “краеведческих музеях” можно увидеть страшные крючья, которыми члены тайных обществ “людей-львов” и “людей-тигров” разрывают пойманную жертву на части и пожирают ее (Бруно Оля, “Боги Тропической Африки”).

Трансформировались и межвидовые отношения. Большинство этносов имело в своем составе все четыре вида, и агрессивность палеоантропов и суггесторов переместилась на соседние этнические группы. Ежедневная же их потребность в насилии — их “дежурное зло” — сублимировалась в удовлетворение атрибутами жестокой власти, причем эта жестокость нередко доходила до степени, опасной для всего сообщества, достаточно будет упомянуть вождя африканской общности килombo, поднимавшегося со своего трона одним-единственным способом: опираясь на ножи, всаживаемые им в спины двух своих “верноподданных” (Артур Миллер, “Короли и сородичи”). Появившиеся вожди и их приспешники — это всегда палеоантропы и суггесторы. Любая иная “специализация” властителей, как правило, оказывалась неустойчивой и недолговременной. По мере увеличения числа и численности сообществ растет и [12] количество представителей этой стоящей над обществом власти: деспоты, короли, сатрапы и т. д.

Основная масса суггесторов пошла по пути приспособленчества и обмана, их “профессиональной ориентацией” стали торговля, казнокрадство, мошенничество, политический карьеризм и т. п. Макиавеллизм — наиболее полное воплощение их духовной позиции.

Тем хищным, которым не хватало места в официальных общественных иерархиях, приходилось становиться антиобщественными элементами — это мятежники, разбойники, гангстеры, революционеры, “воры в законе” и т. п. смертоубийственная братия.

Диффузный вид составил аморфную массу, легко поддающуюся любой актуальной агитации. Этот вид людей в разные времена и в различных частях Земли именовался по-разному, но всегда и везде — одинаково уничижительно: и чернь, и толпа, и массы, и, наконец, — народ (этимологически что-то близкое к животноводческому термину “приплод”), с добавочным использованием откровенно селекционной терминологии: “простонародье”, “простолоудин”. К сожалению, этот вид людей обладает прискорбно гипертрофированной конформностью (из этого

обстоятельства и вытекает определение этого вида, как “диффузного”, т. е. допускающего проникновение в себя чего угодно, да и самого способного проникнуть, “диффундировать” во что ни попадя): брат может пойти на брата, сын — поднять руку на отца, и наоборот, папая — представитель “мудрого народа” — в состоянии под горячую руку “порубать” своих чад и наследников. Все это — в зависимости от тех установок и лозунгов, которыми на текущий момент времени снабдили “народные массы” дежурные сильные мира сего: грызущиеся за власть хищные.

Неоантропы преимущественно имеют дело с Природой, занимаются наукой, техникой, духовными поисками и находятся всегда в состоянии интеллектуального отстранения в окружающей их “мировой грызне”. Познание Мира стало их путеводной звездой. Это — жрецы, пророки, ученые, философы... Но в большинстве своем — это честные, не тщеславные люди (“истинно великие люди проходят по жизни незаметно”). И нравственный прогресс осуществляется именно посредством неброской деятельности таких людей, относящихся к жизни с тихой грустью, признающих Высший Смысл Мира, а отнюдь — не усилиями властолюбивой, мстительной, веселящейся сволочи.

Но и в эти самые гуманные духовные и интеллектуальные области человеческой деятельности не преминули затесаться хищные. Это именно от них исходит вся религиозная нетерпимость, конфронтация вер и конфессий, ибо в их руках все властные структуры официальной церковности. Их же ловких рук порождение — обильная пена вездесущего шарлатанства. Ими организовано и изуверское сектантство с мрачной “зияющей вершиной” [13] сатанизма. Суггесторы же, подвизавшиеся на ниве науки, “осчастливили” среду ученых сообществ успешным внедрением шакальной методики научных поисков с полнейшим пренебрежением к последствиям своей “научной деятельности”, как в технической области (надвигающаяся экологическая катастрофа), так и в гуманитарной, где тоже имеются свои “вершинные достижения”: всемирно известные изуверские эксперименты над людьми.

Таким образом основное, кардинальное различие людей и разделение человечества происходит не по расовым или национальным признакам, предстающим в нашем ракурсе абсолютно незначущими. Т. е. существуют белые и черные палеоантропы, желтые и цветные суггесторы, американские и русские неоантропы, а также — диффузное большинство всех стран и народов. Численное соотношение этих четырех видов во всех сообществах различно, что и определяет степень (зачастую — потенциальную) воинственности, хитрости, миролюбия и разумности нации, народа, племени, государства...

Так что красивый тезис “все люди братья” — тоже нуждается в значительной корректировке. Предание о Каине и Авеле можно — с известной натяжкой — считать позднейшим метафорическим обобщением реальных событий перехода людей к убийству себе подобных, и рассудок оказывается не чем иным, как порождением братоубийства, и картина человеческой истории действительно написана реальной братоубийственной кровью и никак не просыхает от все новых и новых мазков многочисленных “художников”. Но все же степень “родства” братьев человеческих необходимо признать различной. И различия в “дальности” этого родства более значительны, чем те, которые могли бы быть вызваны наличием или отсутствием некоего “гена (или генома) агрессивности”. Речь идет об очень большого масштаба расхождениях, ибо даже немотивированная агрессивность хромосомных (!) мутантов с кариотипом ХУУ — и та не идет ни в какое сравнение с теми сущностными различиями, которые имеются между хищными и нехищными человеческими особями, позволяющими говорить об их *этической несоизмеримости*.

К сожалению человечество легкомысленно поддалось обману внешних, “оберточных” признаков, в результате чего зоологический примитивизм расовых “теорий”, оголтелое неприятие физиологических и культурных своеобразий этносов заслонили и надолго отвлекли внимание людей от сущностных, кардинальных различий между людьми. И если расовую неприязнь можно как-то если и не оправдать, то хотя бы объяснить личностным бескультурьем и общественной неразвитостью, то между порядочным честным человеком и садистом — убийцей его детей необходимо уже провести четкую (видовую!) границу, будь они даже и одной национальности. Так что люди могут больше не искать причин своей адской жизни — черт у них за плечами! [14]

В прежние времена хищных особей среди людей было в процентном отношении гораздо больше, и насилие являлось привычным и будничным занятием для обществ. Чем дальше в глубь веков и тысячелетий мысленно переноситься, тем более страшные повседневные взаимоотношения людей предстают перед глазами. Убийства, каннибализм, человеческие жертвоприношения, в том числе и детские, — рядовые заботы дня. Впрочем, еще и совсем недавно мало кого ужасало существование в мире войн, а пацифизм считался диковинным чудачеством — несомненным признаком отсутствия мужества. Все ужасы исторического времени при всей своей изощренной жестокости и крупномасштабности являются все же второстепенными по отношению к фоновому прогрессу человечества. Собственно, историческое время, как и

пресловутый прогресс, в первую очередь характеризуются непрекращающимся взаимоистреблением хищных видов с обширнейшим включением в “их борьбу” в глобальном масштабе и нехищных людей — в большинстве своем конформных и/или подневольных.

Это взаимное уничтожение хищных (главным образом — палеоантропов, ибо суггесторы всячески приспособляются и в любых условиях ухитряются найти для себя те или иные выгоды) постепенно снижало кровожадность человечества, но все же — слишком медленно, и люди никак не могли начать достаточно скорый выход из зверского состояния. И все интеллектуальные достижения человечества с неизбежностью печальной закономерности обращались и обращаются до сих пор ему же и на пагубу, что впервые было отмечено Ж. Ж. Руссо.

Переломным моментом в этом “исходе” человечества стало появление заповеди “Не убий”. Это был в сущности первый легальный лозунг нехищных людей. Хотя он и не претворился в жизнь, да вряд ли это возможно и в обозримом будущем, но тем не менее “сдобрившись” хищным принципом кровной мести “око за око”, он создал вполне социально одобряемый путь убийства во имя “добра”, направленный уже в значительной степени “по адресу”, т. е. на хищных — непосредственных инициаторов конфликтов, что и стало для них роковой точкой: начался бесповоротный и безудержный процесс падения их численности.

Отмеченный момент в развитии человечества К. Ясперс определяет как “осевое время, таинственно начавшееся” почти одновременно в течение немногих столетий (от 800 до 200 г. до н. э.) в Китае, Индии и на Западе, когда возникает новое осознание человеком своего бытия и самого себя. “В осевое время происходит открытие того, что позже стало называться разумом и личностью” (К. Ясперс, “Истоки истории и ее цель”). Эта “тайна одновременного начала осевого времени” в нескольких точках Земли видится Ясперсу поразительной и неразрешимой мировой загадкой. С нашей же позиции более правомерной видится постановка этого вопроса в совершенно иной плоскости: до какой же все-таки степени [15] недоумно человечество, что так поздно и почему-то всего лишь в трех-четыре местах Земного шара прорвалось наконец-таки осознание людьми (да и то — единицами!) ужаса того мира, в котором они оказались, точнее, сами себе создали. Другими словами, началось рассеивание кровавого тумана “импринтинга человекоубийства”. Непосредственные “заслуги” людей в этом процессе “нового осознания” предстают еще менее значительными, если учесть решающую роль, сыгранную во всем этом Высшими Силами Мира, такими их “эмиссарами”, как Моисей, Христос, Будда, Магомет...

Но как бы там ни было, нельзя не согласиться с К. Ясперсом в том, что с “осевого” времени произошел самый резкий поворот в истории и с тех пор человечество движется одним курсом, не сворачивая с него и по сей день. Попробуем же отметить некоторые вехи этого “славного” пути, вполне отдавая себе отчет в том, что использованная при этом описании методика “галопом по Европам” дает лишь схематичный, штрихпунктирный набросок, но претендующий все же на объективность, в такой же, скажем, степени, как утрированность иной карикатуры не только не мешает сходству с оригиналом, но и зачастую выделяет в нем главные, кардинальные черты.

Взаимное истребление хищных в войне Алой и Белой Роз позволило Англии в значительной мере избавиться от зверской социальной составляющей своего общества и первой в истории претворить в жизнь пра-демократию. Хищный же костяк основного населения, будучи посажен на корабли, сделал Британию “владычицей морей”. Попутным ветром в этом “плаваньи” явился дух пуританизма, ниспосланный с нелегкой руки женева палеоантропа Ж. Кальвина на Европу послереформационных религиозных войн. Еще одной стихийно-превентивной мерой, способствовавшей этому процессу, явилось и отселение с “туманного острова” преступников в Австралию и Америку. Конечно же, это вовсе не означает, что в моря и за моря отправлялись и отсылались исключительно лишь хищные, но тем не менее в наибольшей мере — именно они. Поэтому власть имущие хищные остались в Англии в таком ярко выраженном меньшинстве, что они смогли даже допускать в свою среду политических мятежников, т. е. оппозиционных палеоантропов и суггесторов, что было немыслимо в других странах из-за иного видового соотношения.

Значительная часть палеоантропов и суггесторов Испании и Португалии также отправилась в Америку в послеколумбово время, что до самых недавних пор прослеживалось в бесчеловечности многочисленных латиноамериканских диктаторских и олигархических режимов, усугубленных противостоящими им, возникающими как грибы после дождя, равно-партнерскими “освободительными” фронтами, возглавляемыми диктаторами-сменщиками. Сама же Испания, наоборот, смогла в свое время стать оплотом анархистов и республиканцев — в каком-то смысле (к сожалению лишь в [16] теоретическом) антиподов авторитариев. Деятельность “пиренейского филиала” Святейшей Инквизиции явилась дополнительным — хотя и малоразборчивым — фактором в деле устранения хищных на всем полуострове. Но в то же время столь значительное снижение агрессивной потенции общества объясняет относительную легкость установления

фашистских режимов в обеих метрополиях. Примечательно и то, что оба режима — и Франко и Салазара — были лишь внутренне репрессивны, но не внешне агрессивны.

В Скандинавии процессы взаимоистребления хищных приходятся на 900-е годы и они довольно-таки скрупулезно зафиксированы в сагах и эддах. Достаточно вспомнить викинг-берсерков (“медвежьи шкуры”), в бою впадавших в бешенство, подобное ликантропии или малайскому амоку. Они кусали щит, выли, были нечувствительны к боли. А один из великих героев “стран полнощных” не мог уснуть, если ему вдруг не удавалось приспособить себе в качестве подушки голову очередного — убитого им в течение дня — врага. Столь раннее и достаточно эффективное самоизбавление от подобных “героев” позволило скандинавским странам занять прочные миролюбивые позиции. Так, Швеция, довоевавшая впрочем до Полтавской битвы и еще чуть-чуть по инерции, все-таки благополучно плюнула на все эти дела и провозгласила свой нейтралитет де-факто, причем раньше (на год) Швейцарии, первой в мире оформившей “вечный нейтралитет” де-юре, избавившейся от своего хищного балласта наиболее эффективно: “сбагрив” его путем поставки наемников всей остальной Европе в течение 14–15 веков.

Подобные же процессы — где раньше, где позже — происходили во многих странах мира, но далеко не во всех, по большей части они затронули западноевропейские страны, что самым непосредственным образом сказывается на их нынешней социальности. Так во Франции эти процессы несколько “запоздали”, и хотя интенсивность “гильотинной прополки” девяносто третьего года долгое время вызывала содрогание у слабонервных потомков (точнее, до тех пор, пока не подоспели новые ужасы), тем не менее ее оказалось уже недостаточно для ускоренного выхода страны к демократии, и для достижения приемлемого видового баланса в обществе потребовалось еще несколько военно-революционных эксцессов — примерно по одному на поколение: 1812, 1831, 1848, 1871 “г., не считая “алжирской оттяжки”, завершившейся ОАСовским террором.

В Италии борьба гвельфов и гиббелинов велась без “должного” размаха, кроме того этой борьбой не был охвачен “дикий Юг”: Королевство обеих Сицилий, за что страна ныне расплывается сицилийской саркомой Коза Ностры, давшей метастазы по всему Западу. (Во Франции также имеется подобный “корсиканский очаг”, в свое время выделивший из себя Наполеона.) Красные же Бригады “цивилизованного Севера” — это остатки не погасшего и [17] еще чадающего костра Рисорджименто с его такими выдающимися и знаменитыми “поленьями”, как Д. Гарибальди и — “догоревший” в повешенном кверху ногами состоянии — Б. Муссолини.

Самой “тяжелой на подъем” в Западной Европе оказалась Германия, которая так и не смогла “внутренне растратить” себя и пошла “внешним”, дальним путем: через триумф Тевтобургского леса, добитие Рима и тысячелетний бесплодный “Дранг нах Остен”. К “пиршественному столу” раздела мира она пришла так поздно и со столь горящими от неутоленного агрессивного голода глазами, что О. Бисмарку не составило особого труда буквально за одно поколение перековать немцев из нации “очкастых ученых” (успевших, правда, создать химическое оружие) в нацию — мирового убийцу-рецидивиста с двумя страшными судимостями: Версальской и Нюрнбергской. Легкость отмеченного перехода к агрессивности и его массовость объясняются повышенной диффузностью немецкого народа, сравнимой лишь с предельно гипертрофированной русской диффузностью. Так что столь знаменитые тевтонские качества — методичность, дисциплинированность, аккуратность — все это есть следствие легкой подверженности воспитанию, некритическому восприятию традиций, т. е. не что иное, как проявление конформности, послушания, недалекости. В этом плане немцы и русские “вычисляются” как народы “равные по модулю, но разные по знаку”, или в образах М. Е. Салтыкова-Щедрина — ухоженный “мальчик в штанах” и “мальчик без штанов в луже”. Именно отсюда происходит их такая “притягательность и аннигиляционность” во взаимоотношениях. (Существующая значительно большая взаимная симпатия американцев и русских “литературно” сопоставима с дружбой Тома Сойера с Гекльберри Финном, а диффузность “средних американцев” оформилась в виде наивности и толстокожей фамильярности.) Развязанные немцами две войны “против всех” при соотношении сил и возможностей по самым радужным оценкам 1:3 и 1:5 соответственно — это по своей сути неотлично от бесшабашного русского “на авось”. А начинать два раза такое заведомо проигрышное дело — это тоже чисто русская особенность, отображенная в пословице “не за то отец сына ругал, что тот в карты играл, а за то, что отыгрывался”. Наиболее же иллюстративна и доказательна в этом “международном равенстве” тождественность советского и фашистского “социализмов” с мировым концлагерным замахом.

Население России (говоря о русском суперэтнотипе, состоящем — по “классической” терминологии — из великороссов, малороссов и белорусов) представляет собой обширнейшую диффузную группу со столь же многочисленными неоантропическими “вкраплениями”. “Отечественных”, т. е. собственно восточно-славянских палеоантропов и суггесторов здесь всегда было очень и очень мало. Это следствие не столько татарского погрома, сколько в первую очередь

— далекое эхо затерявшегося в глубинах веков начала первого [18] тысячелетия н. э. некоего “балканского эксцесса”, по мнению В. О. Ключевского заключающегося в конфликте с “волохами” и закончившегося исходом в Причерноморье предков восточных славян. Заметная сниженность агрессивного начала Руси чувствуется уже в ранних межплеменных княжеских усобицах, в них отчетливо прослеживается “инерционная усталость”, и призвание варягов, как и принятие “выдыхающегося” миролюбивого византийского православия — все это звенья все той же “балкано-волохской цепи”. Но еще больше “отлили масла из огня” события “послетатарские”: вторичный исход на северо-восток и ассимиляция еще более невоинственных племен “чуди” (чудных, не сопротивляющихся) — оформление великоросского этноса. Численное доминирование диффузной составляющей населения России тривиальным образом объясняет все беды и несчастья этой страны. Острый дефицит “аборигенных”, национальных хищников заместился болезненным для народа внедрением палеоантропов и суггесторов пришлых, прибудных: “гостей” варяжских, тюркских, германских, еврейских, кавказских и др. Единственное, что было у всех у них общим, так это — наплевательское отношение к судьбе необычайно удобного “субстрата”: русского народа. И поэтому несмотря на неслыханные социальные потрясения — многочисленные войны, внутренние взаимоистребления и т. п. — подневольный образ жизни русского населения не претерпел значительных изменений. Вместо продвижения по пути осознания свободы здесь происходили события, структурально подобные явлению “расклева” цыплят в инкубаторе, в диапазоне от бессмысленных и жестоких бунтов (самый крупный и самый бессмысленный из которых — Гражданская война) и до всенародного обычая сгонять злость, вызванную административной несправедливостью, на таких же точно бесправных окружающих. Преимущественная диффузная однородность населения России и создала то, что в социокибернетической формулировке можно определить, как “самонастраивающуюся на деспотию систему”. В то же время нельзя говорить, что в России нет якобы хищных вовсе, как таковых. Тот же суггестор Г. Распутин даст сто очков вперед любому Казанове. А знаменитый мерзавец Ванька-Каин — это же не меньшая “гордость” России! И как можно забыть “скромного” извозчика Петрова-Комарова, в годы НЭПа исправно зарубившего топором более трех десятков своих седоков? В сравнении с ним и сам Диллинджер меркнет! Но все же их было всегда мало и не хватало для того, чтобы как бы “взяться за руки” и создать “арматуру насилия” в обществе, характерную, например, для “жесткого” Запада. Здесь же хищные не могут даже “сцепиться” друг с другом хотя бы в надежные шайки, именно поэтому большинство банд в стране обычно “южного направления”, а основная ветвь преступности ползет по относительно безопасным тропам коррумпированных структур власти; российский чиновник испокон веков мздоимец, советская власть, собственно, лишь [19] расплодила эту паразитарную поросль до своих максимально возможных пределов: начал погибать субстрат, на котором все это держится — сам народ, в том числе и в первую очередь — великорусский народ.

В том обстоятельстве, что Восток не подвергся подобным эффективным “самовыбраковкам”, коренится его принципиальное расхождение с Западом, и здесь же, кстати, можно видеть то, что позиция России не является промежуточной между Западом и Востоком, но действительно — особой. Традиционный Восток характеризуется в первую очередь повышенной долей суггесторов: герой восточных сказок чаще всего обманщик, т. е. суггестор: Алдар-Косе, Ходжа Насреддин, Багдадский вор, в отличие, скажем, от откровенно, “сказочно” диффузного русского Ивана-дурака (немецкий Ганс-дурень оказался приставленным к надежному делу и ушел из сказок). Отсюда и повышенная жестокость (биологичность) восточных сообществ, удивительное для европейцев обесценивание человеческой жизни, и действительно: суггесторному — артистичному и коварному — Востоку трудно “встретиться” с эгоцентричным, логичным Западом (в этом плане Востоку ближе и “роднее” Россия с ее парадоксальностью и непредсказуемостью). Но все же пророчество Р. Кипплинга, перенесшего встречу Востока и Запада в “никогда”, скорее всего носит характер более поэтический, нежели социологический. И подтверждением этому может послужить Япония.

Уже стало традиционным и общепринятым утверждение о том, что милитаристская, агрессивная страна “восходящего Солнца” была успешно в свое время переведена на рельсы демократии при помощи мудрой экономической и политической методики США. Не отрицая важной роли американского “патроната” в японском вопросе, следует все же учесть и тот немаловажный (в нашем ракурсе — решающий) вклад, который внесли в дело “умиротворения” послевоенной Японии многочисленные — долетевшие до цели — камикадзе, а также наиболее фанатичные самураи, отдавшие решительное предпочтение харакири перед перспективой жить в пусть и процветающей, но не агрессивной — “оппозоренной” стране.

До некоторой степени показателен в этом же плане и пример Индонезии, добившейся длительного “притихшего” состояния таким местным, довольно-таки “экзотическим” вариантом Варфоломеевской ночи: откровенно варварским избиением — убийством, по большей части бамбуковыми палками, не менее полумиллиона коммунистов по всей стране во время смещения одуревшего от власти А. Сукарно.

Остальной же Восток остается традиционно консервативным. Но все же различия — и весьма существенные — имеются. Если Индия удерживается в прочных клетках четырех с лишним тысяч каст и волнения коснулись лишь северных (мусульмане, требующие создания пропакстанского Халистана на месте нынешних штатов [20] Кашмир, Джамма, Пенджаб и Ассам) и южных (проланкийские тамилы) окраин, а практически однородный Китай не менее прочно удерживает свой миллиард (за исключением “крошечного” 20-миллионного тайваньского осколка) несокрушимой и легендарной мандарино-командной системой, то положение в остальных — в основном мусульманских — регионах Азии и Северной Африки совершенно иное.

Институт гарема, даже и лимитированный некогда Мухаммедом в отношении допустимого количества жен, тем не менее все же настолько увеличил процент хищных (главным образом — суггесторов), что здесь стали возможными необычайно затяжные вооруженные конфликты. К настоящему времени достаточно надежно “отстрелялась” пока лишь Турция, на что ей потребовалась половина тысячелетия: на весь период от усиления экспансивной агрессивности до достижения величия Блистательной Порты и постепенного ее спада до фазы “умирающего Османа”, за чье наследство ожесточенно билась вся Европа.

Это не считая “выхода из игры” Персии, которая “затихла” (и надолго: до пришествия аятоллы Хомейни) еще до новой эры, заодно со своим двухвековым “спарринг-партнером”, классическим представителем “детства человечества” — Грецией, которая вообще настолько сама себя измордовала в своих и впрямь по-детски жестоких и неразумных межполисных войнах, что уже не смогла подняться на ноги самостоятельно. Лишь 500-летняя османская инъекция добавила новейшим грекам солидную дозу хищности, оказавшуюся достаточной для ведения освободительной борьбы (против “доноров”), для участия в двух Балканских войнах, в двух мировых, для установления фашистской диктатуры и активного сопротивления фашистам же (Италии и Германии). Наконец это внушительное героическое пламя истощилось и — перед тем как ему погаснуть — завершилось яркой вспышкой правления хунты “черных полковников” и агрессией против Кипра.

Остальной же Ближний Восток пока еще полыхает: Иран — Ирак, междоусобицы палестинских формирований, разоренный Ливан, вот совсем недавно “подключился” Ирак вновь — уже против всех. И эти противоборства по-видимому всерьез и надолго, они соответствуют затяжным западноевропейским взаимоистреблениям Семилетней, Тридцатилетней и Столетней войн. С тем, правда, отличием, что существует дополнительный “паровыпускающий” фактор: международный терроризм, в значительной своей части имеющий “арабское исполнение”. Здесь имеются и богатые исторические традиции, достаточно вспомнить государства корсаров: Алжир и Тунис, переживших в 17 столетии свой золотой век — “освященного” и санкционированного властью деев и беев пиратства, наводившего ужас на судоходных морских путях от восточного Средиземноморья и вплоть до Исландии. В настоящее время эту традиционную эстафету наводить ужас на международных транспортных линиях приняла соседняя Ливия под властью М. Каддафи. [21]

Израильский фактор в “арабских делах” необходимо признать больше удачным предлогом и необычайно эффективным катализатором, нежели причиной, что впрочем не просматривается на поверхности этих трагических событий, и евреи вновь оказались в парадоксальной, “обуюдоправой” ситуации — логически, в понятиях международного права, неразрешимой.

На положении дел южнее Магриба и Египта — в “Черной Африке” — сказалось в значительной мере то обстоятельство, что некогда в печально известные времена работорговли американские бизнесмены, занимавшиеся этим хлопотным, но зато высокоприбыльным делом, невольно проводили селекцию: они вывозили по большей части именно диффузный вид, т. е. предпочитали скупать невольников, отличавшихся послушностью и физической выносливостью, а потому — по расчетам “стихийных евгенистов” — наиболее пригодных для принудительных плантационных работ в стране Свободы. Диффузность американских негров прослеживается в значительной сглаженности расовых отношений в сильно национально смешанных странах, типа Бразилии, и кроме того она “подсматривается” в более “уютной” — домашней форме: в ярко выраженном матриархате негритянских семейных отношений в США. В то же время столь значительное уменьшение диффузного населения (с учетом массовой гибели невольников в корабельных трюмах на их пути к рабству) — в основном западного побережья -Африки усилило и ужесточило позднейшие внутригосударственные и межплеменные распри в сообществах черного континента при освобождении его от колониального сдерживания социальных процессов. Мали, Гана, Конго, Ангола, “ни с того, ни с сего” — Либерия. Бывший Невольничий Берег.

США в этом плане правильнее будет именовать Соединенными Штатами Мира — уже таким общечеловеческим “предохранительным клапаном” агрессивности: с учетом невероятного размаха в них преступности, а также предоставления “равных возможностей” и сублимированным, просоциальным ее формам. Ну а население “СШМ”, состоящее практически из всех

национальностей Земли, в таком ракурсе видится рискованной обслуживающим персоналом этого всемирного “злоотвода”.

...Таким образом древняя, “осевая” псевдодоктрина борьбы Добра и Зла, извечного противостояния Света и Тьмы стала первым шагом к разумному объяснению смертоубийственного людского общежития. И эта система четкого, “черно-белого” разделения ответственности за творимое людьми зло на Земле и ловкое перекалывание вины за это на недостижимые плечи Высших Сил стала не только действенным корректором направленности агрессивности хищных на них самих же, но и одновременно явилась потворствующим насилию фактором, во многом снимающим с человека ответственность за его деяния и лишь малоэффективно пугающим его потенциальным потусторонним судом и [22] возмездием в виде геенны огненной или же местной, земной расправой с помощью “челночно-рыскающего” механизма кармы, напоминающего зачетную систему трудодней в сталинских колхозах. В итоге эта борьба дошла до всемирного противостояния и глобального масштаба конфликтов, а имманентно присущая определенной части человеческого семейства предельная агрессивность — эта страшная родовая отметина Homo Sapiens — оказалась прикрытой величественной завесой, за ложным флером которой процессы взаимоистребления людей вместо затухающего характера приобрели резонансный размах с непредсказуемой и по сейчас амплитудой.

Самоистребление хищных наиболее “выгодно” для цивилизации в формах дворцовых переворотов, “битв коридоровых”, династических отравлений и удушений, светских дуэлей, клановых гангстерских ночных перестрелок на пустырях и т. д. и т. п. Но крайне болезненно для обществ привлечение к этому их “коронному” занятию народных масс, что как правило ведет к войнам и революциям со всеми вытекающими из них последствиями.

Христианская идея о непротивлении злу насилием является по сути дела попыткой выявить конкретные источники “зла”. То есть, если бы нехищные люди не поддавались влиянию агрессивных лозунгов и саботировали приказы хищных, то зло повисло бы в воздухе буквально — акустическим образом: вместо войн и революций раздавались бы лишь непотребные призывы злобно-мерзких существ: “Отойти от зла — сделать благо”. Насилие же порождает лишь насилие, и при этом низводятся на животный уровень участвующие в развязанных конфликтах, и нехищные люди, поневоле втянутые в них в силу естественных чувств самообороны, мести за близких и аффективной ненависти, вызванной видом страданий безвинных и беспомощных людей.

Пользу отказа от насилия прекрасно иллюстрирует раннее христианство. То, чего удалось ему добиться с помощью непротивления и всепрощенчества, никогда не удалось бы достичь путем конфронтации. “Благодаря непротивлению христиане проникли всюду, хотя и имели всегда возможность отомстить: в одну только ночь и с несколькими факелами” (Б. Данэм, “Герои и еретики”). Не менее яркий пример достижения высокой цели — независимости родины — с помощью непротивления явили миру индусы, вдохновляемые Махатмой Ганди.

Человечество должно стыдиться своего “героического” прошлого, как стыдятся вчерашней пьяной безумной драки с брато-, отце- и детоубийствами. Необходимо немедленно снять историю с пьедестала Науки и изучать ее подобно истории болезни: вдумчиво и мудро. В этом плане видится реальным полный и решительный пересмотр оценки всех событий всемирной истории (и вообще мира человека) под таким новым углом зрения — “не умножающим сущность без необходимости”. Для осуществления подобной ревизии человеческих деяний и всесторонней переоценки самого этого [23] “субъекта” истории — “царя природы” со всеми атрибутами наглого и жестокого самозванца — потребовалось бы собрать обширнейший “консилиум”: рабочую группу честных ученых самых различных дисциплин и специализаций. Некий прецедент подобного научного коллектива по пересмотру и систематизации, правда, несравнимо более “податливого” предмета — это знаменитая анонимная группа (столь же необычайно пестрая, как и компетентная) Н. Бурбаки, некогда переписавшая в едином ключе математику.

Прошлое человечества нуждается лишь в объяснении, но ни в коем случае оно не может заслуживать ни оправдания, ни тем более — возвеличивания. Но столь же неуместен и беспристрастный подход, более естественно содрогание! Прославление же героизма - это не что иное, как культивирование “зла” и его зеркальной разновидности: “ненависти против зла” (что в принципе одно и то же), ибо смелость, героизм и самопожертвование во имя “спущенных сверху” маловразумительных идеалов и смутных целей, к тому же оказавшихся в истории человечества на 99,9% ложными, лживыми и преступными — все это видится неприкрытой провокацией перманентного — поочередно “справедливого” — насилия. Безумие: нацепив аксельбанты, эполеты и кальсоны, швырять из вырытых ям гранаты-лимонки в других людей, какими бы лозунгами при этом ни руководствоваться!

Конечно же такая позиция выглядит ныне совершенно несвоевременной, ибо практически невозможно будет ни в настоящее время, ни ближайшим поколениям отрешиться от таких представлений, как патриотизм, героическая история предков — выстрадавших “региональное”

Будущее, но все же когда-нибудь придется и отдать должное прошлому — молча и скорбно преклонившись перед ним, но и начать новую жизнь: такую, чтобы перед потомками уже не могли бы вставать подобные неразрешимые нравственные антиномии.

В настоящее время самым престижным и относительно безопасным местом отправления насилия является бесконтрольная власть. Процесс оттеснения хищных от власти и контроль за действиями власть имущих в свое время был начат на Западе. Точнее, от власти были отстранены практически все палеоантропы (ушедшие в мир организованной преступности), и их сменили суггесторы, а к незначительным постам получил доступ и диффузный вид. Взаимоистребление хищных переместилось здесь на поверхность общества. Гангстерам, насильникам всех “родов войск”, проходимцам всех мастей предоставлено обширнейшее поле деятельности, но точно так же обилен и “урожай”. Все эти максималисты человеконенавистничества, нравственные монстры сосуществуют с обществом, и хотя подобное соседство и болезненно для общественного организма, но зато оно не способно оказать на него кардинального воздействия. [24]

В тоталитарных же обществах все наоборот. Хищные индивиды не имеют возможности безнаказанного совершения насилия нигде, кроме как находясь в коридорах власти. И они с неотвратимостью продвижения чудовищ там и оказываются. Если, конечно, не в тюрьме, но как и всякий счастливый исход событий, подобное случается реже. Пробравшись к власти, хищные проводят политику, которая изнутри корежит сознание людей и всего общества, хотя внешне все может быть прикрыто косметикой псевдореформ и украшательством социальных витрин муляжами благоденствия. При такой зависимости большинства населения от принудительных мер и произвола авторитарных бесконтрольных властей у людей порождаются такие психологические свойства, как пассивность, озлобленность, неуважение к человеческому достоинству и т. п. “духовные богатства”.

Собственно, такой размах преступности на Западе означает лишь то, что большинству “оппозиционных” хищных нашлось занятие “по душе” в общем-то и вовне структур государственной власти, и их по мере сил и возможностей отлавливают. Но естественно, что они все же никогда не оставляют своих попыток пробраться к рычагам власти на любом возможном уровне. Это даже можно считать программой-максимум, сверхзадачей преступного мира. Достаточно вспомнить многочисленные случаи захвата власти уголовниками-диктаторами, озверелыми хунтами, не говоря уже о всепроникающей коррупции, доходящей до “сиамско-близнецового” сращения государственных структур с мафиозными и делающей жизнь “свободного мира” похожей на некий муравейник — полностью, насквозь пронизанный преступными, корыстными ходами.

Так что никогда нельзя обольщаться на счет тех, кто стоит у власти. Даже в самом “лучшем” случае там могут находиться лишь более ловкие “делатели хорошей мины”. И несомненно одно: во всех этих “лабиринтах власти” всегда снует редкая сволочь - исключительно свободная от моральных устоев, но “зато” необычайно жестокая, публика. А это всегда может быть чревато самыми страшными . последствиями, ибо среди этой “административно-командной” своры действительно немало таких субъектов, которые были бы и впрямь не прочь полюбоваться гибелью человечества (“малый” прецедент подобного представления был уже некогда создан Нероном, “в драматургических целях” устроившим пожар Рима), да и вообще внутренний мир любого представителя этого мрачного контингента откровенно чудовищен. И поэтому авторитарность необходимо рассматривать как бич номер один для человечества! [25]

Диффузный вид: человек разумный.

“Простота хуже воровства”. “Смотрите на этого человека: свободный, он бежит в ярмо!”

Дхаммапада: 344

Основным отличительным признаком диффузного вида является внушаемость, или в осовремененном звучании — конформность. К диффузному виду относится и так называемый “нонконформист” (упрямец), “самостоятельность мышления” которого является все той же конформной установкой, но только более ранней и потому более сильной, доминантной, и проявляющейся в нежелании переменить однажды усвоенную точку зрения в том или ином вопросе, даже и несущественном. Вот эта-то внушаемость, легкая поддаваемость суггестии, будучи фундаментом рассудочного поведения, дает возможность проведения абсолютно корректной границы между человечностью и антропоморфным зверством, и уточнить и само это весьма расплывчатое понятие “человек”.

Понятие какой бы то ни было нормы в применении к человеку, к его поведению слишком неустойчиво. Это сейчас асоциальная психология подразделяется на криминалистическую и патологическую дисциплины необъятного спектра психологических исследований. В прошлом же преступники и умалишенные не подразделялись и содержались вместе, т. е. сводились к общему знаменателю: ненормальному поведению, т. е. нарушению принятых в обществе норм. Что же такое “ненормальное поведение”? Это — невозможность корректировки извне действий индивидов. Следовательно, ненормальное поведение — это *невнушаемость*! И это определение, введенное Б. Ф. Поршневым, справедливо для любой эпохи, для любого общества. “Что именно внушается, какие нормы поведения, речи, мышления — все это исторически изменчиво”. Невнушаемость может проявляться либо как невменяемость сверхактивного маньяка, либо как недоступность кататоника, заблокированного своей депрессивностью. Эти два полюса характеризуются непроницаемостью для антропических раздражений, т. е. для средств вербально-смыслового воздействия. Неукротимость, упрямство предельной формы — с одной стороны, и недоступность, пассивность — с другой. Таким образом, *нормальный человек* должен подвергаться суггестии, он идет на контакт, находясь в относительно узком диапазоне между двумя этими крайностями [26] - полюсами невнушаемости. Вот эта-то полоса в спектре невнушаемости, неконтактности и характеризует “человека дважды разумного”... И поэтому ответ на вопрос о том, можно ли считать человеком невменяемого фанатика, непререкаемого властителя, непреклонного неустрашимого полководца и т. п. “несгибаемых” авторитариев, однозначен: нет! Ибо это не что иное, как проявление поведения *нечеловеческого*! Либо это психопатия, болезнь мозга и она тогда поддается медикаментозной корректировке (за исключением явных клинических случаев обусловленных экзогенными факторами: опухоли, травмы), либо это — видовое поведение палеоантропов и суггесторов, и ничто не изменит их установку.

Т. е. нормальное для палеоантропов поведение, базирующееся на смертоносной агрессивности, с человеческой точки зрения предстает, как поведение животного, но только обладающего способностью к рассудочной деятельности, или более точно — это *сверхживотное (суперанимал)*. Для них существует и хлесткое народное определение — нелюди, уже предельно точное, ибо оно несет в себе и обязательный негативный смысл: это существо страшнее любого животного, чудовище из чудовищ.

Поведение же суггесторов, способных изображать как поведение людей, так и имитировать повадки палеоантропов-суперанималов, необходимо определить, как *псевдоchеловеческое*, или оборотневое. И эта “позиция оборотня” занимается ими подсознательно, для них она естественна, не требует научения и потому так успешна; “врожденный артистизм”, “патологическая лживость” — некоторые ее признаки.

Видовое поведение медикаментозно не корректируется, возможно лишь полное подавление внешних признаков хищной активности, да и то при помощи лошадиных доз депрессантов. Другими словами, даже бы современные психотропные средства — транквилизаторы, нейролептики и т. п. — не смогли бы оказать существенного воздействия на поведение одиозных исторических фигур, были бы бессильны в изменении их этических установок. Так что с человеческой (!) точки зрения все эти Александры и Петры Великие, гениальные эти Наполеоны, и бесноватые фюреры — Гитлеры заслуживают — сообразуясь с нравами тех эпох, в которых орудовали вышеозначенные чудовища — содержания в клетке, в яме на цепи, в тюрьме замка Иф и мюнхенской психиатрической клинике, соответственно.

Нужно, отметить, что попытки объявления кого-то из людей нечеловеком в настоящее время общественным мнением пресекаются. Причем делается это предельно некорректно, скорее эмоциональным, нежели логическим способом. Т. е. декларируется, что подобные “негуманные” утверждения могут исходить лишь от индивидов, которые сами не могут даже претендовать на звание человека. И таким образом, по логике получается, что так или иначе, но люди “нечеловеческого формата” все же существуют. И [27] это неуместное табуирование существует вопреки тому, что человеческое общежитие прямо-таки кишмя кишит чудовищными фактами и кровавыми последствиями жуткой деятельности монстров в человеческом обличьи.

Таким образом, диффузный вид и является, собственно, “человеком разумным”, хотя в точном смысле своей таксономии (а “по науке” человек уже даже дважды разумный!) поведение его таковым, т. е. действительно разумным, никогда не являлось и не является до сих пор. В силу своей гипертрофированной конформности диффузные люди на протяжении всего исторического времени всегда и везде пребывали в полном распоряжении хищных видов — сверхживотных и псевдолюдей. И это распоряжение “человеком разумным” было действительно полным буквально: диффузный вид шел в ход полностью — “с потрохами”! Это именно диффузный человек строил для них на своих костях каменные пирамиды и мраморные дворцы. Это именно его мясо

использовалось в качестве “пушечного” в батальных забавах и ратных утех хищных властителей.

Диффузный вид наиболее плодовит, это его второе основное качество, которое “культивировалось” в нем наряду с внушаемостью. Кроме того он мало подвержен влиянию таких причиндалов хищных видов, как “любовь” и “каноны красоты”. “Стерпится — слюбится”, “с лица воды не пить” — таково примерно сексуальное кредо диффузного вида. Всем этим объясняется повышенная, опять-таки “малоразумная”, рождаемость в беднейших условиях, что стало основной причиной демографического взрыва, который есть не что иное, как высвобождение диффузной и неоантропической составляющих человеческого семейства — собственно, именно людей — из смертельных тисков суперанималов и суггесторов. Ведь и войны, и репрессии, а опосредованно — и эпидемии, и голод — все это следствия жутких общественных отношений и жизненных условий, создающихся с трагической неизбежностью при господстве хищных, при претворении в жизнь (точнее, “в смерть”) их “морали господ”, тождественной ее полному отсутствию.

Термин “диффузный” охватывает и дополняет понятие конформности с внешней, поведенческой стороны. Т. е. если конформизм - это способность легко верить власть имущим и другим “авторитетам”, то диффузность — это уже “претворение этой веры в жизнь”: всегдашняя готовность маршировать в нужную хищным сторону. Отсюда и необычайная адаптируемость этого вида к практически любым условиям — пока еще по большей части жутковатым; их способность проникать, “диффундировать” в любые социальные щели и приспосабливаться к ним, существовать в самых невероятных, предельно дискомфортных — и психологически и физиологически — социальных средах, безо всякого на то желания изменить их или вырваться оттуда. Конечно же, это не может не иметь трагических сторон: при всяких “переходных процессах” или [28] “периодах адаптации” люди в невероятных количествах гибнут, но в итоге оставшиеся в живых привыкают ко всему. Но все же задним числом они могут иногда удивляться тому, как это они только могли так раньше жить, хотя их нынешнее “улучшенное” новое положение опять-таки имеет незамечаемую ими уже теперь свою чудовищную составляющую. Хуля умершего тирана, они носятся, как с писаной Торой, со следующим, лишь потом спохватываясь, что и “так жить нельзя” тоже.

Они точно так же способны и на хищное научение, как и на любое другое, что, собственно, и смазывает общую видовую картину человечества: они загораживают собой истинных хищников, подобно тому, как подзуживаемая толпа растворяет в себе “серых иерархов” — подстрекателей. Но в этом как раз и заключается то важное обстоятельство, что при открывшихся бы перед диффузными людьми честных позитивных путях, они непременно последовали бы и по ним. Так что есть достаточно определенная уверенность в том, что при устранении хищной социальной среды диффузный человек точно так же пойдет и по пути к нормальной человеческой жизни, хотя возможно и с большей долей сопротивления (на умное дело его уговорить труднее, чем подбить на дурость, т. к. она ему “ближе и роднее”, именно в этом обстоятельстве состоит горькая обоснованность “необходимости твердой руки” властей по отношению к народу), чем, например, та, с которой он неосознанно противился тому, как его большевистской “дубиной загоняли в земной рай”, оказавшийся, после более чем 70 лет проверки на соответствие с “материально-техническим заданием”, действительно построенным в проектируемом месте, т. е. на Земле, но только — адом: “твердая рука” у безумной и безнравственной “головы” неизбежно покрывается кровью безвинных, никому не нужных жертв.

Таким образом, нужно всегда помнить, что диффузный вид, собственно, народ, является большинством человечества и именно он и есть единственный гарант и основа будущего, и если оно — это будущее — и состоится, то только лишь благодаря выходу диффузного вида на неоантропический уровень, и первым шагом на этом пути должен явиться полный отказ от хищного научения. Но к сожалению, удивительные конформно-адаптивные (диффузные) свойства этого вида пока что способствуют ему в хищном научении, под которым понимается подражание поведению хищных видов. Но получается это у них очень плохо (что и хорошо!), и поэтому таких диффузных “выучеников” обычно “видно за версту”, ибо у них нет ни врожденного артистизма суггесторов, ни звериной жестокости и безоглядной смелости суперанималов. А самое важное отличие состоит в том, что того психосоматического наслаждения от содеянного, которое и является, собственно, движителем для хищных, диффузные — хищно ориентированные — люди не получают, больше радуясь, например, золоченым атрибутам власти, с ее такими “бубенчиками”, как спесь, чванство и [29] самодурство, чем самой этой предоставившейся возможностью уничтожать людей. И в итоге они практически всегда приходят к раскаянию — в том случае, конечно, если остаются достаточно долго в живых, бродя по хищным тропам и успевая, к сожалению, “натворить дел”.

И если бы не было этой способности диффузного человека приобретать — пусть и неумело — облик хищника, то положение суперанималов и суггесторов было бы откровенно незавидным: их

отлавливали бы “всем миром” моментально — до такой степени они выделялись бы тогда на общем нехищном фоне своей злобностью и хитростью (“умом животного”). Но наличие таких вот — способных на раскаяние (нередко — предсмертное) — диффузных людей, нравственно деформированных тяжелым детством или же дурацкой “романтикой” лихой бесшабашной юности и приобретших в итоге хищную жизненную ориентацию, заставляет общественное мнение (а его всегда формирует диффузное большинство, и в этом заключен далеко не смешной парадокс утверждения “народ всегда прав”) экстраполировать возможность искреннего раскаяния на всех людей без исключения, тем самым оставляя преступления хищных на их “совести”, в понимании которых все эти представления о совести, морали, нравственности есть нечто вроде степеней безумия, последняя из которых как раз — раскаяние. И весь увещательный эффект по отношению к хищным наиболее точно выражен в известной поговорке: “Как волка ни корми, он все равно в лес смотрит!”[30]

Суггесторы: псевдолюди.

“Всякая возможность причинить зло своим ближним доставляет им особое, изощренное удовольствие”.

Б. Данэм

“Легко живется тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив...”

Дхаммапада: 44

В процессе видообразования суггесторы выделились на втором этапе, уже после образования диффузной группы “кормильцев”. Суггесторы “благополучно” отпочковались от этой явно “неблагополучной” группы, пойдя по пути имитации интердиктивных действий палеоантропов — внутривидовых агрессоров. Суггесторы смогли успешно подражать их агрессивности и смелости, оттесняя при этом свой собственный страх, удачно маскируя его своей противоположностью — видимым бесстрашием. Это все то, что ныне именуется “наглостью”, “нахальством”. На свет божий вслед за “злом” выступило “коварство”. “Хищническая духовная позиция включает в себя две черты: злобность и коварство” (Т. Веблен, “Теория праздного класса”).

На протяжении всей истории человечества суггесторы были единственным видом из четырех, большинство которого жило в свое удовольствие практически в любых условиях. Суггесторы всегда образуют общественный слой так называемых “ликующих” в этом мире. Именно они и составляют подавляющее большинство чудовищного конгломерата “сильных мира сего”, создавая собой прихлебательское и “подсживающее” обрамление при тех, кто находится “в силе”, “в законе”. Не имеющие совести, не способные иметь ее изначально, а ргіогі, суггесторы могут переживать и страдать лишь от пресыщения теми или иными “радостями жизни”. Психологическое ядро этого вида по типологии К. Юнга составляют “сенсорные экстраверты”, стремящиеся к рафинированным удовольствиям. Большинство же суггесторов неудержимо стремится к удовольствиям вообще, как к таковым, вплоть до самых грубых и примитивных. Если суггестор [31] имеет высокий социальный статус, то он именуется в прижизненных биографиях не иначе как “жизнелюб” (в медицинской терминологии — “биофил”), если же оказывается на опальных социальных позициях, то получает тогда более звучные и к тому же более объективные определения: развратник, потаскун, сволочь и т. д. по нисходящей вплоть до многочисленных нецензурных характеристик просторечья, впрочем сохраняющих свою объективность.

Суггесторы очень часто — в традиционном понимании — талантливы во многих областях, но в особенности — в искусстве притворства, блефа, их частенько именуют “артистами в жизни”. При средних интеллектуальных способностях они, как правило, становятся “жучками” в сфере сервиса, мелкими мошенниками, актерами, согласными играть любые роли, солистами в похабных ревю, “придворными” поэтами и литераторами — одо- и борзописцами, соответственно. Отсутствие совести у них простирается до своей крайней формы: до физиологического бесстыдства, зачастую оказывающегося для них незаменимым техническим приемом в их хлопотной балаганной деятельности. При более высоком уровне интеллекта суггесторы нередко становятся маститыми конъюнктурными писателями, “гибкими” политиками, крупными дельцами-махинаторами. Все они в обязательном порядке безнравственны в той или иной форме: ханжеской или откровенной. При отсутствии же “выпячивающихся” талантов суггесторы стремятся пробраться к власти, пристроиться в ее эшелонах, при этом уже не считаясь ни с какими своими дополнительными “отсутствиями”, как физиологическими, так и умственными, и даже, можно сказать, продвигаясь

наперекор им. Именно поэтому в неконтролируемых обществом властных структурах так много всякого рода чудовищно ущербных личностей, наводящих ужас на подчиненных своей уникальной неординарностью и невыносимой подлостью.

Но все же главное для суггестора — это слава и успех, даже неважно на каком поприще и какого качества — вплоть до геростратовой. Поэтому хотя власть для него в общем-то и более приоритетна, но все же власть без славы, тайная власть “кардинала инкогнито” его чаще всего не устраивает. В этом обстоятельстве заключается их главное расхождение в “вопросе власти” с суперанималами, которым зачастую присущ аскетизм фанатического толка. И если суггестору предоставится возможность добиться быстрого успеха на альтернативном поприще, то он изменит своим прежним устремлениям безо всякого сожаления. Самым свежим примером может послужить массовый — на манер многотысячных юбилейных спортивных забегов — переход в ряды активнейших борцов за перестройку прежних сверхлояльных служителей советского истеблишмента и рьяных гонителей инакомыслящих в бывшем СССР. Не менее [32] примечательна и мгновенная перековка бывших партаппаратчиков: выход их из оборотневой роли коммунистов-бессребренников и включение в неподдельную “клондайковскую” золотую лихорадку СП, совместных — с бывшими “врагами” — капиталистами-предприятий.

Суггесторы и суперанималы зачастую отличные ораторы “трибунного” типа. Дело здесь в том, что речь для суперанималов и большинства суггесторов является пределом функционирования их мозга. Многие из них думают только тогда, когда говорят — сами с собой или же при стечении толп. Для них утверждение бихевиористов о том, что мышление — это внутренняя речь, т. е. беззвучное проговаривание мыслей и ничего больше, справедливо в своей предельной, очевидной форме, так что и лабиринтных крыс для доказательных экспериментов не требуется. Слова для них значительны, “огромны”, и они ощущают их физически, с хищной точностью, нередко — с совершенно бессмысленной вкусовой и цветовой атрибутикой. Поэтому они и не могут подняться “выше” слов: при незначительной содержательности высказываемой мысли, а часто — и вовсе при полной ее “пустопорожности”, главные усилия они вкладывают в вербальное оформление своего перла и в обязательную эмоциональность изложения, вплоть до жестикюляции физкультурного или “амсленгового” типа. Но эта смысловая “сниженность” ничуть не мешает им становиться (вот она “польза” наглости и беспардонности!) яркими ораторами-политиками (“пламенными трибунами”), поэтами-декламаторами, специфическими лекторами-шарлатанами. В отличие от суперанималов, лучше справляющихся с непосредственной агитацией, например, организацией мятежной или стяжательной толпы (типа грабителей винных складов), суггесторы способны воздействовать и на аудиторию, успех в которой определяется голосованием или убеждением (— с использованием, как правило, лживой аргументации). Но если эмоциональность распланных декламаторов похабщины и синих от водки политических агитаторов понятна, то внешне сдержанный треп иных политиков содержит эмоциональность уже в неявном виде, она как бы возводится ими в некую степень и тем самым помещается на более высокий уровень, подразумевается ее включение в контекст важности излагаемой проблемы, тоже, как правило, лживой. Но в отдельных случаях она все же может прорываться у эмоционально невыдержанных вождей и ораторов. Таковы Мирабо, Марат, Гитлер, Гесс, Троцкий, Муссолини, Ленин, Кастро, Горбачев...

К счастью для людей, палеоантропы и суггесторы, точно так же как и всякие хищные в системе трофических цепей Природы, составляют по необходимости “подавляющее меньшинство” и в человеческих популяциях. В противном случае была бы невозможна и недостижима жизнеспособная социальность из-за ее [33] нестабильности: любой конфликт в общественном месте с необходимостью перерастал бы во всеобщую поножовщину, подобное можно наблюдать в притонах и злочных местах. Но если в Природе соотношение растительной, травоядной и хищной ступеней биомасс соответствует разнопорядковости (100:10:1), то у людей хищных особей, судя по всему, несколько больше. Ориентировочно в так называемых “цивилизованных” странах их сейчас насчитывается около 15%: “каждый седьмой может стать истинно жестоким”.

Совершенно очевидно, что не может быть никакого разговора об “исправлении” ступивших на преступный путь суггесторов и суперанималов (палеоантропов). Это — как породистой охотничьей собаке дать свежей крови загнанной дичи при натаскивании. Отсюда естественным образом вытекает вывод о неискоренимости преступности в хищной социальной среде. Поэтому тщетны и попросту наивны все попытки “перевоспитания” этих “человекодавов”. Скорее наоборот, тюрьмы делают их еще более жестокими и учат большей предусмотрительности при совершении ими очередных преступлений. Воздействие же подобных наказаний на нехищных людей, причинение им — пусть и “заслуженных” — страданий в первую очередь и главным образом проявляется в нравственной деформации личности: происходит деморализация. Пенитенциарные заведения не только не могут прибавить гуманности, но наоборот, отнимают и все то, что было. Случаи “духовного противостояния” достаточно редки и в общем русле — аномальны, чаще и “естественнее” происходит “хищная переориентация”, нравственное падение: “с волками жить —

по-волчьи выть”. Становится совершенно понятной бесполезность жестоких наказаний, и даже их неуместность, в тех случаях, когда действительно ставится цель перевоспитания (точнее бы, спасения) личности. В этом свете видится откровенно и неимоверно жестокой практика совместного содержания и “перевоспитания” рецидивистов и остальных преступников. По логике вещей, следовало бы периодически выбирать паханов и “черных” из общей массы осужденных и формировать из них группы совместного содержания по олимпийской системе: “четвертьфинальные”, “полуфинальные” и т. д. с полнейшим невмешательством в их “образцовый, ударный быт”, за исключением объявления “перемирий для уборки трупов”. Этот метод позволил бы сдерживать хищную переориентацию диффузных людей в местах заключения. Ну, а распространение подобной же “неразборчивой” практики содержания и на детские “исправительные” учреждения — это уже проявление неприкрытого зверства со стороны властей, создающих таким образом в обществе хищную среду уже “повышенного качества”, “сеющих ветер” для потомков. [34]

На численности хищных видов помимо начавшегося “дружного” взаимоистребления сказались также и своеобразие сексуальных отклонений, которое часто оказывается у них несовместимым с нормативным половым поведением и созданием семьи любой конфигурации в диапазоне от полигинии до полиандрии. Патология, если говорить точно, еще дочеловеческих отношений — противоестественная направленность агрессивности, как хорошо известно, напрямую связанной с эротическим влечением, и ее гипертрофия не могли не затронуть самые глубинные психофизиологические структуры, в результате чего извращенность и сексуальный аномализм стали у хищных видов в значительной степени их нормой. К тому же многие суггесторы в силу своих недюжинных способностей занимать лучшие места в жизни (в смысле благополучия и присвоения всеми неправдами материальных благ), находясь среди “ликующих”, имеют и больше возможностей для удовлетворения своих изощренных желаний и прихотей, что делает для них диапазон нормативных гетеросексуальных отношений слишком узким, и достаточно быстро — из-за его доступности — перебрав его, суггесторы соскальзывают в “голубое” болото таких перверсий, которые традиционно именуются развратом: юно- и педофилия, групповой секс и иные извращенные формы, мало связанные с функцией деторождения. Даже заводя семью, а то — и несколько, суггесторы, будучи крайне эгоцентричными, относятся к потомству, мягко говоря, без должного энтузиазма, подобные настроения передаются детям, и все это как бы обрекает в итоге продолжение рода — “порождает вырождение”, плодя лишь разврат в обществе. Суперанималы же вообще наименее плодовиты, ибо в силу своей предельной тяги к насилию они являются несокрушимым оплотом таких махровых сексуальных — уже не аномалий, а скорее монстральных, как садизм, некрофилия, так же мало связанных с “задачами продолжения рода”, как убийство — с воспитанием.

Суггесторы-биофилы наиболее приближаются к приматам, т. е. в них много “обезьяньего”. Это следствие того, что они пошли по пути имитации поведения как нелюдей-палеоантропов, так в дальнейшем — и людей, а подобная двойная маскировочная адаптация потребовала от них очень и очень многого: заимствования определенных приматогенных качеств и их дальнейшего усиленного развития — “причеловечивания”. И произошло отступление этого вида вспять — на приматный уровень, в том смысле, в котором традиционно понимается обезьянье поведение именно негативного характера. Другими словами, при этом ими были заимствованы не добродушие, не наивность, но совершенно наоборот, все это — настоящее богатство — было отброшено (за исключением своих оболочек, взятых кое-кем для издевательской маскировки: это хорошо известные разновидности “улыбчивых” и “работающих под дурачка” мерзавцев) [35] и “благоприобрелись” чисто обезьяньи “сокровища”: кривляние, передразнивание, гримасничание (пусть все это зачастую и в салонных или сценических “высокохудожественных” своих формах) и прочие такого же рода регалии, вплоть до неконтролируемой похоти. Для них наиболее подходяще толстовское определение — “пьяные от жизни”.

Но самая тяжкая потеря суггесторов — это обязательное отсутствие у них чувства меры, являющегося основным техническим, материальным и поддающимся коррекции компонентом художественного творчества, а также — важным моментом иных творческих поисков. Чувство меры — дар адекватного самоограничения — делает реальным (и в этом — его величие!) существование для людей островков душевного благополучия с желанием выхода на другой — более высокий — уровень восприятия Мира. Пока что людям известны и в той или иной степени освоены ими три таких уровня. Это во-первых, эстетический уровень, в общем-то являющийся необязательным для людей, как бы “факультативным”. Затем — уровень этический, к сожалению имеющий свои множественные “ложные солнца”. И наконец, религиозный уровень, сравнимый по своей структуре с неким конусом, в основании которого находятся верования и конфессии, а в вершине — наддогматическое признание Бытия Бога и Высших Сил Мира. Соскальзывание с этого уровня являет собой опустошенность, а падение — остервенелость сатанизма. Подобное, но

более образное и красивое описание религиозного уровня существует у Д. Андреева: перевернутый животворным стеблем вверх цветок — Роза Мира.

Суггесторы же — как благополучные “ликующие” биофилы, так и опальные неудачники (чрезвычайно быстро “переключающиеся” на получение удовольствия в холении своей озлобленности и в злопахательстве) не могут внутренне, духовно подняться выше эстетического уровня, хотя и паскудят своим присутствием все остальные, опошляя и профанируя их: вулгарный материализм, воинствующий атеизм, а равно и все виды шарлатанства — это все их работа! В итоге дурная бесконечность якобы разнообразных ощущений и всепоглощающая погоня за ними и составляет весь смысл их — во всех смыслах праздного — существования. Их девиз при этом — “новое — это хорошо забытое старое”. Они, как никто другой, реализуют в жизни бернштейнианский принцип “цель — ничто, движение — все!”. Все это не что иное, как демонстрация бесконечного и беспросветного шастанья на одном и том же уровне, находящемся непосредственно над анимальным, этологическим и даже пересекающемся с ним, на уровне чувственного восприятия Мира, на манер беготни белки в — пусть и сверкающем позолотой — колесе!

Поэтому суггесторы никогда “не успокаиваются на достигнутом”, даже в том случае, если добиваются побед своих [36] революций. Как например, революции сексуальной. Мотивируя ее необходимость и обосновывая свои “революционные” требования к “отсталому” обществу архаичностью прежних взаимоотношений полов, постреволюционная ситуация в сексуальной сфере точно так же их мало устраивает, т. к. они теперь будут страдать импотенцией в результате именно вседоступности, в отличие от их дореволюционной эрекционной обездоленности, вызванной, наоборот, сексуальными препонами. Точно так же они до охрипы требуют благ, повышения жизненного уровня, имея же все это, они могут ходить в рваном — к тому же еще и не по росту — рубище, жить в непролазной грязи, с пылью в палец толщиной на хрустале, с паутиной на дорогах картинах. Это все то, что в обиходе именуется “беситься с жиру”. В более научной форме отмеченное “зажирание” суггесторов описывается с привлечением, введенного К. Лоренцем, понятия “доместикации”, т. е. одомашнивания, точнее бы — “охлевливания”. Подвержен этому явлению до некоторой степени и диффузный вид, правда, реже (— “не до жиру...”) и в менее изощренных формах: например, место диковинного гурманства занимает примитивное обжорство.

Но все же такое энергичное “хлопотание” суггесторов вокруг эпицентров благ и удовольствий жизни, хотя и оказывается где-то в дальнем итоге “бесцельным”, тем не менее имеет и свой позитив. При социальных отступлениях — резких снижениях жизненного уровня в результате стихийных бедствий, войн или революций (которые, к сожалению, бывают не только сексуальными или научными) — наиболее приспособленными к столь внезапно изменившимся условиям оказываются именно суггесторы. Министры — нисколько не сожалея о потерянном портфеле — организуют тараканьи бега; банкиры — потеряв все свои капиталы — делают прибыльный бизнес на перепродаже колбасы из конской падали. Другие же виды, в особенности диффузный, менее приспособляемы к обрушивающимся на их головы страшным невзгодам, и поэтому все трагические последствия — в основном их удел: “пришла беда — отворяй ворота!”

Кстати, гибель плодов социальных революций, точно так же, как и послевоенные безобразия во всех сферах общественной жизни до наведения должного порядка происходят именно из-за резкого нарушения видового баланса претерпевших катаклизм обществ в пользу суггесторов — в силу их большей выживаемости. Войны — и особенно гражданские — наиболее “выгодны” для суггесторов, ибо при этом возрастает их процентная численность в популяциях, впавших в невзгоды лихолетий. В то же самое время численность суперанималов в такие “грозные” периоды резко — примерно наполовину — сокращается, т. к. они всегда грызутся между собой всем поголовьем, самозабвенно и непременно до чьей-либо окончательной победы из-за непреодолимой тяги к “великому делу борьбы”. И вот суггесторы, оказавшись на [37] руководящих постах, да к тому же и без “должного” контроля со стороны — погибших — суперанималов (смена из “резерва” приходит чуть позже), предаются самому беззастенчивому (естественно, хищническому) использованию своего служебного положения со всеми вытекающими отсюда безобразными последствиями, неся при этом обществу такие беды, от которых даже у потомков волосы встают дыбом, а у современников — часто в ночь седеют. К слову сказать, знаменитый механизм “пожирания Сатурном-революцией своих детей” (ее зачинщиков) действует очень просто и потому надежно, “без сбоев”. При захвате власти хищные по необходимости сбиваются в стаи. После ее захвата им необходимо перестроиться: обрести себя прихлебателями безопасного толка — недалекими преданными диффузными “соратниками” или же “повязанными” суггесторами. Главенствующему же революционеру — “вождю стаи победителей” — требуется всего лишь несколько приспешников (постоянно грызущихся между собой — “выслуживающихся”), и поэтому начинается обязательная самовыбраковка: подсиживание и протаскивание на ограниченное количество вакантных мест своих “надежных людей”. И естественно, что

большинство включившихся в эту борьбу за место “на Олимпе” выбывает из нее ногами вперед. Т. е. происходит не что иное, как формирование на вершине власти главной, “первой среди равных”, асоциальной малой группы (того самого “тюремно-камерного социума”) из большого числа достойных претендентов на места в одной-единственной правительственной камере.

О гибельности же диффузного вида, “простых людей” в такие тяжкие времена и говорить-то даже тяжело, абсолютные цифры всегда просто ужасающи своей астрономичностью, “наворотившие дел” всячески стремятся утаить “численность”: в этом и заключена вся их “совесть” — боятся все же! Создается такое впечатление, что людей в какие-то бездонные пропасти сталкивают миллионами, даже закапывать сил у них не хватает, поэтому сами же жертвы роют себе могилы: “Этот миллион туда же для ровного счета! Раздайте им лопаты!” Подобные жуткие времена катаклизмов и обильных общественных кровопусканий частенько высокопарно именуются “великими эпохами” (Великая Французская..., Великая Октябрьская...), и считается, что они порождают “под стать” себе и столь же “великие личности”. В действительности же в такие периоды вырываются из ослабевших социальных пут оппозиционные хищные и начинают вытворять сообразные своим “душевному устремлениям” чудовищные вещи, вовлекая в них и ведя за собой конформно-придурковатые диффузные толпы в направлении самозакапывания. Вот для них эти эпохи и вправду великие: для первых — организацией и зрелищем “великих, упоительных” потрясений, для последних — принесением “великих”, неисчислимых жертв. Во всем этом [38] прямая аналогия с хищниками, выпущенными вдруг по злему умыслу на свободу из местного зоопарка или из заезжего цирка в дотоле мирно спавшем уютном тихом провинциальном городке.

...Существуют два крупных смежных заблуждения, и хотя они уже достаточно толково разъяснены психологами, но тем не менее человечество продолжает находиться в состоянии некоего самообмана, пришедшего на смену прежнему дремучему неведению в этой области человеческих чувств.

Во-первых, это знаменитая соправительница мира (“напарница голода”) — “любовь”, которая на самом деле является не чем иным, как до некоторой степени специфическим оформлением агрессивных устремлений на человека, желанием как бы безраздельно “присвоить” его себе и никому не отдавать, оберегая его с помощью “противоугонного” механизма ревности. Совершенно естественно полагать, что особенно сильно подобного рода чувство должно бы проявляться у хищных. Так оно и есть: эти “пылкие ухажеры” способны на что угодно, на любое преступление, вплоть до убийства, ради овладения объектом своей “горячей любви”, не говоря уже о каком-нибудь там пустяковом зверском избиении соперника или же самого предмета своего “высокого чувства”. Все люди раньше или позже испытывают чувство любви, являющееся психологической надстройкой над либидоносным биологическим базисом личности. Но это — по большей части романтическое, нежное чувство — в корне отличается от граничащих с умопомешательством ощущений половозрелых суперанималов и суггесторов обуреваемых “любовью”. Кстати, одна из “вечных тем” искусства, поэзии и литературы эксплуатирует именно этот феномен: “любовь (доводящая кого-то) до гроба”. Нехищный же аналог любви — это дружба, покровительство, жалость (— в народе не случайно бытует именно этот эквивалент понятия “любовь”, и это отнюдь не синоним), соответствующие уровню агрессивности достаточной для самообороны и защиты близких, и именно такой ее направленности.

И во-вторых, здесь же рядом прослеживается неразрывная связь, если не тождественность, таких чувств, как нежность и ненависть, имеющих, как это становится ясным, общие психологические корни — “от любви до ненависти один шаг”. Отсюда следует чисто математически вывод (соответствующий решению школьной пропорции $a:b = c:x$) о том, что пресловутое “добро” — то самое, которое “с кулаками” — в своем “техническом”, психосоматическом оформлении есть точно такая же агрессивность, как и в случаях откровенно выраженного, не маскируемого “зла”. Например, дважды знаменитый лейтенант П. Шмидт в детстве был подвержен беспричинным спорадическим припадкам: приступам необыкновенно сильной нежности к окружающим, но тем не менее он все же легко смог найти себя на [39] попроще смертельной борьбы. В не меньшей степени примечателен также и его столь же знаменитый “почтовый роман”: возникновение у него необычайно сильного и внезапного чувства “любви” к случайной попутчице в поезде. Есть все основания полагать, что менее щепетильные субъекты с хищным поведением испытывают аналогичные по своей силе чувства при совершении ими изнасилований, и следовательно, необходимо признать изнасилование нормативным сексуальным поведением для хищных видов, “венчающимся” своими крайними формами сексуально выраженной агрессивности: калечащим садизмом и предельной некрофилией, т. е. совмещающейся с летальной подготовкой “объекта любви”.

Таким образом, не только явное и откровенное насилие, но и всякая, какая бы то ни было направленность устремлений на личность и есть зло в его истинном представлении. Отсутствие же подобных устремлений и есть подлинная *человечность*, существующая пока что лишь в

идеале. Т. е. отсутствие как “зла”, так и “добра”, в том числе и их такой симбиозной разновидности, как “ненависть против ненависти” — этакого отражения насилия в хищном зеркале и тем самым удваивающегося. Именно здесь находятся корни буддизма, но само это вьющееся растение большинством своих красивейших ветвей все же стелется в хищную сторону этически неоправданного невмешательства, совпадающего по внешним признакам с холодным безразличием американских толп зевак к пострадавшему и японской сверхщепетильностью, мешающей оказать помощь постороннему человеку. И здесь же рядом проставлена отправная — она же и конечная точка бумерангового пути кантовского категорического императива, проделавшего свой эффектный, шелестящий тысячами страниц упоминаний о себе, но в итоге пока бесполезный полет в сторону звездного неба. Злоба, гнев, свирепость, точно так же как и неумное желание навязать кому-нибудь свое “архидоброе” отношение, а не то — и сделать его силой “счастливым” — все это является насилием над личностью, и это уже уход от сапиентации, утрата духовности: феномены пока еще не превзойденного и не преодоленного зверского состояния человечества, ведущего и поныне к гибели людей в многообразных и многочисленных конфликтах. Справедливо и обратное: когда ставится задача культивирования в людях агрессивности, то в первую очередь возникает необходимость снять с них слой человечности. Так для воспитания воинственности в армии применяется муштра: примитивное, но эффективное отупляющее средство, значительно снижающее рассудочные возможности мозга — до степени достаточной для успешного прохождения воинской службы в беспрекословных легионах. [40]

К слову сказать, процесс снижения кровожадности человечества шел одновременно со становлением более снисходительного отношения к понятию “любовь”, что объясняется именно взаимообусловленностью чувств нежности и ненависти. Существует даже официальная фиксация этого обстоятельства: так в Британской Энциклопедии 1935 года издания слову “атом” уделены три страницы и одиннадцать — слову “любовь”, в 1965 же году статье “атом” отведены тринадцать страниц и лишь одна — “любви”.

Становится также совершенно понятным и тот факт, что нередко бывшие преступники в какой-то момент своей уголовной “карьеры” становятся наиболее рьяными и ценными сотрудниками официальных репрессивных органов. И такой переход для них абсолютно безболезнен и безнадрывен, он подобен демонстративному — в пик у тренера — переходу талантливого спортсмена из одной команды в другую того же самого спортивного общества. Другими словами, такая смена деятельности у хищных видов по своим характеристикам внешних проявлений подобна “триггерному переключению” или явлению “гистерезиса” в физике, т. е. допускаются два равноправных состояния, в данном случае — две этические ориентации: “добро” и “зло”. На обоих путях открыты каналы для проявления агрессивности, они сходятся в своем “низовье”, где их “полноводность” — степень агрессивности — уже такова, что попросту неуместно было бы говорить о том, во имя чего — “добра” или “зла” — это делается. Здесь агрессивность сливается в “доброзло”: мстя поверженному тирану, остервенело рубать его в фарш, счастливо улыбаясь, пытаться разоблаченного палача концентрированной серной кислотой. В “среднем же течении” обоих потоков расположились голливудские павильоны благодатной для вестернов тематики: якобы хороший человек мститель Билл с трудом настигает и — перед тем как его добить — эффектно мучает откровенного гада Фрэнка. И собственно, лишь видовая идентичность дает возможность сотрудникам органов охраны правопорядка внедряться в банды и, наоборот, преступникам — в органы. На этом держится и деятельность “бойцов невидимого фронта” шпион-разведчиков. Как правило, вся эта сексотская публика — суггесторы, для них служение “двум (и более) господам” является наиболее полнокровной жизненной самореализацией. А если бы не было этой идентичности, то следовали бы моментальные разоблачения, и все такие “шпионские игры” потеряли бы всякий смысл и прекратились. [41]

Неоантроп: человек духовно эволюционирующий.

“Четвертая часть брошенных семян пускает крепкие корни, но благим результатом может считаться лишь произрастание из них “пшеницы”, или “сынов Царства”.

Ч. И. Скоуфилд

“Учась у самого себя, кого назову я учителем?”

Гаутама

Неоантропы — это люди в истинном, насколько это возможно, смысле этого слова, и с учетом, конечно же, конкретных жизненных условий и выбранного личностью пути. Это уже достаточно многочисленный человеческий вид, в настоящее время численно превосходящий суммарное количество суперанималов и суггесторов. Такой вывод хотя и носит опосредованный характер, но все же претендует на точность, в пользу этого говорит очень многое: и интеллектуальная насыщенность литературы гуманной ориентации, и массовость общественных природоохранных движений, что есть следствие многочисленности носителей нового сознания. Но главное, фундаментальное обстоятельство, свидетельствующее о правильности “количественного вывода” — это демографический взрыв, “произведенный”, главным образом, диффузным видом, определенной частью которого и являются неоантропы.

Неоантроп — человек духовно эволюционирующий — непосредственно смыкается с диффузным видом, представляя собой его дальнейшее развитие: продвижение по пути разумного поведения. Основным видовым отличием неоантропа является его способность генетически закреплённая предрасположенность — к *самокритическому мышлению* (а в идеале — и к поведению), являющемуся не только совершенно самостоятельной формой мышления, но и кроме того — необходимым условием *человечности* как таковой, без внешнего научения ей и даже наперекор хищному воздействию приходу к ней. Это и есть [42] духовная эволюция личности. Либо выход к людям раньше или позже в неблагоприятных условиях, либо предельно возможный путь в условиях благоприятствующих. В очень редких случаях проходятся оба таких “участка” пути. Но к сожалению, в настоящее время очень многие сообщества земного шара все еще не дают возможности свободно подниматься неоантропам и “успешно глушат большую часть всходов”. Некий — для себя традиционный — парадокс в этом отношении явила Россия: несмотря на беспощадное духовное закрепощение здесь возник необычайно мощный (на Западе — аналогов не имеющий) слой “русской интеллигенции”, в общем-то не связанный с официальной системой образования, и в нескольких смыслах — “самообразованный”. Конечно духовный гнет можно было бы счесть и способствующим фактором: как бы “реакция на реакцию”, но с нашей точки зрения это объясняется гипертрофией русской диффузности, давшей естественное и столь значительное “отчисление в духовный бюджет” общества.

Эта способность к самокритическому мышлению является некоей производной от морфологии лобных долей головного мозга, и присуща она еще только лишь диффузному виду, и все его различие с неоантропами можно свести к лености использования лобных долей префронтального отдела головного мозга: диффузному человеку для этого требуются дополнительные усилия, в подавляющем числе случаев — не прикладываемые. И таким образом, диффузные люди в своей массе духовно гибнут: либо так и не вырываются из неблагоприятных (часто — жутких) условий, либо обленяются и “не идут вперед” в благоприятствующей жизненной обстановке”. Именно с учетом этого обстоятельства и создают свои структуры все нравственные Школы: по системе ученики — учитель (проповедник, пастырь, гуру), и с использованием заинтересовывающей обрядово-церемониальной атрибутики — достаточно близкого аналога детских игрушек обучающего, отвлекающего, а не то и развлекающего (как у кришнаитов и баптистов) типа. Самому же диффузному человеку очень редко удается самостоятельно найти “путь вверх”, и если подобное все же случается, то роль гуру при этом берут на себя счастливо, а чаще — трагически сложившиеся обстоятельства, в частности, богатый жизненный опыт: таков путь старейшин, аскалов. Но действительно народные мудрецы — это все же неоантропы, именно они создают то, что называется “кладезем народной мудрости”: этический фольклор.

Первое, что дает использование этой неоантропической мыслительной специфики — это способность к мышлению второго порядка. В своем простейшем случае мышление второго порядка, его редуцированная форма — это философское рефлексивное мышление. Распространение познавательного интереса на само познание, и иллюзорные, пока еще тупиковые, попытки осмысления Универсума. Соотношение объекта и субъекта [43] познания в таких случаях становится не просто сложным или каверзным, но уже — парадоксальным и металогичным, что порождает бесчисленные точки зрения на один и тот же предмет и создает грустно-забавную противоречивость гуманитарных философских, психологических, социологических и т. д. — систем и теории, сочетающих контрастность по отношению друг к другу с претензиями на истинность каждой в отдельности, а своей многочисленностью создающих полное впечатление горшечного базара, ибо помимо расписной яркости и емкой пустоты своего содержания, большинство из них демонстрирует нахождение людей на столь отдаленных позициях от истины, что невольно вызывает в памяти поговорку “не боги горшки обжигают” с приданием ей саркастического смысла: да, далеко не боги...

Исчерпав себя, такое рефлексивное познание выходит на свой предельный уровень, сворачиваясь (в математическом смысле: функция “свертка функций”) в сознание религиозное (но наддогматическое), и тем самым как бы формулируя теорему Геделя в других терминах: т. е. собственного человеческого мира и единственно его человеку явно не достаточно для познания

самого себя. И поэтому ему необходим выход за пределы этого мира. Но пока что такой “выход в свет” для человека невозможен, все науки и все религии здесь бессильны, и даже бы их полный синтез смог бы дать в результате лишь некую “сверхфилософию”, легко представимую себе, как предельно возможное “мыслеблудие” метакосмической, субкварковой, вселенско-нравственной тематики. Эзотерические же пути, проторенные некогда Великими Посвященными, а ныне столь успешно осваиваемые их необычайно многочисленными последователями, необходимо признать делом сугубо личным, индивидуальным и верифицируемым лишь по принципу “помрем — увидим”, но, конечно же, дай-то Бог, если это так.

Самокритичность рассудочного существа и есть разум — сверхрассудок. Обычный внутренний диалог (мышление), вполне достаточный для рассудочного интеллекта, в таком случае расширяется и обогащается за счет введения в сознание внутреннего “третьего судьи”. В случае религиозной свертки сознания — это Бог. В определениях же “светских”, “мирских” философов наличествует целый набор, ставших уже расхожими терминов для обозначения этого далеко “не лишнего третьего” совесть, моральный закон, нравственность, этический выбор. “Разум способен не только к познанию объектной реальности, но и к ее оценке... Обнаруживает, что в ней благо, устанавливает иерархию благ” (К. Войтыла, “Основания этики”). Другими словами, разум — это то, что приводит в движение “маховиком” рассудка, мышления, т. е. как бы “разумное содержимое рассудка” — его “этическое наполнение”. И вообще в нравственном понимании человек есть то, что содержит его мысли, о чем он [44] думает, какова направленность его сознания: можно мучительно размышлять о смысле жизни, а можно не менее напряженно всесторонне просчитывать варианты мерзкого преступления.

Лишь разум дает возможность сознанию представить себе и оценить полностью противоположную — страдательную сторону насилия и уничтожения человеческой жизни (и жизни — вообще), живо представить себя на месте жертвы и отреагировать на это единственно возможным человеческим образом: содрогнуться за двоих — за себя и одновременно за жертву. Это не что иное, как то самое, знаменитое христианское сострадание. Сострадание — двойное страдание, тождественное его разделению, уменьшению. Сострадание — великое понятие, так мерзко и жестоко оболганное, затертое до неузнаваемости хищными толкователями (от слова “толковище”) морали: атеистами, имморалистами, сатанистами. Сострадание, таким образом, есть направленность разума в мир, вовне себя, аффективное перенесение причинения зла ближнему на себя и осуждения его. Это, собственно, одна из сторон самокритичности мышления, но в хищных терминах это определяется как “трусость”, которую правильнее всего будет трактовать как “психологическая плата за воображение”.

Существует еще один вектор направленности разума — внутрь, в духовный центр человека, что оказывается тождественным его выходу уже в Мир. Этот третий компонент базируется тоже на страхе — на страхе человека перед смертью, и он позволяет дать еще одно корректное определение понятия “человек”: это существо, которое знает, что оно умрет, но тем не менее не верит в это. Человек верит в то, что его существование каким-то образом продлится в Мире после пребывания в мире на Земле. Некоторые избранные могут даже знать об этом в результате личного опыта: знамения, откровения. И только эта сумма, это “триединство” направленности разума на себя, в мир и в Мир — его такая активная самооценочная позиция в отношении людских страданий и перед лицом смерти — является необходимым, а возможно — и достаточным, условием существования Человека в Мире, его выхода на иной уровень.

В этом ракурсе хищные предстают как существа откровенно ущербные, не имеющие самокритичности, не имеющие сострадания, не имеющие веры в свое духовное бессмертие, и следовательно, *не разумные!* Их религиозный потолок — это суеверность. Хищные, собственно, патологические атеисты и никто больше. Вся их жизнь — это суть настоящая попытка получения “компенсации на месте”, досмертной выплаты им всех благ здесь и сейчас. А всякие препятствия и помехи в этом они стремятся убрать любым способом — внутренним, духовных преград у них нет. Разумное же существо не способно на добровольное сознательное зло! [45]

Видится неправомерным так широко распространенное, неразборчивое порицание людей за трусость. При этом не учитывается, что она, наоборот, для людей совершенно естественна и является прямым следствием разумного поведения, ибо “человек разумный” исходно, “по определению” и по своему происхождению труслив и к тому же внушаем (— глуп). А в противоположность этому — смелость, бесстрашие, так же как и невменяемость являются собой признаки бесчеловечности, и совершенно незачем строить в этом вопросе какие бы то ни было “героические” иллюзии. Таким образом, заполучение “силы воли” и предоставление себе внутреннего права помыкать, повелевать людьми, притеснять их — “воспитание чувств” такого рода в себе вовсе не требует неких добавлений в структуре личности и дополнительных “внутренних сил”, но наоборот, для этого необходимо именно устранить в себе практически все человеческое, нужно сбросить с себя “мешающееся” тяжкое бремя разума — доподлинной

человеческой нравственности. И вот тогда сразу же сами собой появятся все эти “духовные силы” и “героические качества” для того, чтобы смело отдавать из подземного штаба приказы миллионам идти на смерть, посылать людей на минные поля впереди танков и для свершения множества других — более мелких и будничных — “геройств”.

А вот человеческий этот груз — разум — не дает возможности для проявления таких “сил” (— и слава Богу!). Доказательства этому можно найти в любой забегаловке. Это — пьяные нехищные люди, теряющие над собой контроль, после чего действительно становятся и более мужественными, и более смелыми, и более агрессивными, т. к. происходит растормаживание, в том числе — и сексуальное. Но разве автомобиль с неисправными тормозами “мощнее” обычного — исправного?! Конечно же нет, но лишь как раз вот — страшнее и опаснее. Так что можно считать, что хищные имеют в себе некую добавку, точнее — “нехватку”, отличающую их от “исправных” людей: они постоянно носят в себе эту “неисправность” в виде эквивалента смертельной (в основном — для других людей!) дозы “горячительного агрессивитива”. В этом плане алкоголь, как и наркотики, предстают как в чистом виде *дьявольские* средства, сталкивающие человека на анимальный, биологический уровень. И особенно подозрительно выглядит привыкание к этим зельям, действительно сравнимое лишь с некоей сетью, западной.

Таким образом “выдавливание из себя по капле раба” — это есть метод сбрасывания с себя глыбами груза человечности, ибо человек разумный — это раб. Но его нужно непременно отличать от суггесторной разновидности раба — застрявшего внизу зверька, по тем или иным причинам не пробившегося в “господа”, имя которому — “холуй”. Вот из него можно выдавливать сколько угодно, но только — совершенно определенной субстанции, его [46] полностью и характеризующей. Вот почему перспективы человечества при продолжении хищного пути — нулевые! Человек разумный (— диффузный) никогда не изменится, не выдавит он из себя свой стержень — рабскую трусость. Диффузный человек сможет распрямиться только в свободных, истинно гуманных условиях, а пока что при всех его попытках подняться хищные постоянно — мгновенно и остервенело — сбивают его наземь, и ему так и приходится жить на коленях, а не то — и на четвереньках.

У хищных видов тоже может существовать в сознании некий “внутренний третий”, но представляет он собой такого же зверя, как и его хозяин, и вся его роль сводится к созданию аффекта самооправдания и самовозбуждения, но в большинстве случаев вызывается фрустрация из-за невозможности дать выход агрессивности, к тому же именно из-за невозможности ее разрядки эта агрессивность возрастает лавинообразно и доходит до компульсивности (неодолимости), что и является основной причиной “немотивированных” преступлений против личности - все это в основном совпадает с фрейдовским Супер-Эго. Кстати, именно это — невыделенное в общей клинической картине — обстоятельство, то, что неврозы хищных в корне отличны от жизненно-ситуационных стрессов обычных людей — как по причинам, так и по протеканию, спутало все карты как самому З. Фрейду, так и его последователям, ибо это, — в общем-то совершенно правильное — учение было применено не совсем “по адресу”, т. к. выявленная сексуальная детерминированность в полной мере присуща лишь хищным и — это совершенно особый вопрос — большинству женщин; да и вся, собственно, “практикующая психология” оказалась в плену того же неведения.

Новейшее Время, его невыносимая для хищных социальность гуманной ориентации так придавила тех из них, которые не смогли приспособиться к насилию в необходимой для своего “душевного здоровья” степени, что даже невероятная широкодиапазонность западной психотерапевтической “индустрии” (в особенности это относится к США — “злоотводу”) с ее фантастическим многообразием психологических теорий и “целительных” методов на методе все же не может обеспечить своей хищной клиентуре надежного облегчения. Другими словами, такие “не нашедшие себя” хищные как бы “быстрее сгорают” от постоянной и неутоленной злости. В первую очередь это относится к суперанималам, т. к. у них отсутствует значительная часть мыслей и чувств, присущих другим видам (в том числе и многим суггесторам) и многообразящих работу ЦНС и психосоматических структур, в то время как физиология видов практически одинакова. Сила воли позволяет им приказать себе сдержаться, взять себя в руки, но они не в силах приказать своим кровеносным сосудам, что и приводит в итоге к их “профессиональным заболеваниям”: инфарктам, инсультам, склерозам. Отмеченная [47] нозологическая закономерность во многом схожа с гипотетической ситуацией держания волка в конуре плюс — на овощной диете.

Мышление второго порядка в своей рудиментарной форме доступно и диффузному виду. В принципе не существует теоретических препятствий для поднятия большинства диффузного вида на неоантропический уровень. Но для этого потребовались бы благоприятные социальные условия и применение пока не созданной, но вполне обозримой специальной психологии, заключающейся в первую очередь в пресечении хищного научения, что в настоящее время

абсолютно нереально. Более высокие уровни мышления, сознания пока еще недостижимы из-за печальной необходимости постоянного анализа и использования множества концепций чисто этологического свойства, обусловленных хищным характером нынешней социальной среды. Недостижимо также и самокритическое поведение, ибо оно наталкивается на невозможность без негативных, а не то — и страшных последствий провести в жизнь благие, честные намерения. Тоталитарные режимы достаточно убедительное тому свидетельство: в таких условиях духовная жизнь людей возможна либо на субчеловеческом уровне, либо с такой степенью двумыслия, что оно практически неотличимо от шизофренического или шпионского.

Единственный пока возможный путь к обретению “чистой” нехищной среды — это полное отстранение от мира, уход в “пещеры и пустыни”. Но и этот путь по большому человеческому счету ущербен, эгоцентричен: достаточно вообразить себе Христа, не вышедшего бы из заиорданской пустыни, решившего бы сделаться отшельником, или Будду, замордовавшего бы себя окончательно в чащах Урувелы.

Лишь при достижении социальных условий, достаточных для свободного самовыражения и одновременной духовной развитости большинства членов общества создадутся условия для возникновения более высоких уровней сознания, мышления. Это будет общество некоего анархического — безвластного — социализма. Но вполне возможно, что путь к нему лежит через властный, “ясперсовский” этап: всемирное “правовое устройство, обладающее достаточной силой, чтобы сохранить мир, и, низведя перед лицом своего всевластия каждый акт насилия до уровня преступления, лишить его всяких шансов на успех” (К. Ясперс, “Истоки истории и ее цель”). Запад в этом смысле предстает духовно задавленным именно хищной доминантой социальности: культ наживы, сексуальная непотребность, пропаганда насилия, погоня за безнравственными удовольствиями — все это следование рекомендациям и примеру суперанималов и суггесторов-биофилов. Общество поддалось науськиванию на хищные ценности. И здесь абсолютно неизбежно наступление фазы пресыщения, как и в свое время в Риме: “всюду толпы хмурых распутников”, и таков [48] неминуемый конец всех хищно ориентированных обществ. Генеральное наступление наркотиков — уже даже ставится вопрос о легализации наркобизнеса — первая тому “черная” ласточка. В этом же ракурсе все некогда насильственно возникшие и ныне исчезающие или конвульсирующие “социалистические” режимы видятся как идеальные системы удержания у власти хищных бандократии под прикрытием неопровержимо гуманных лозунгов (— естественно, лживых). Истинный же социализм — это дело далекого будущего, в хищной социальной среде он невозможен, ибо он более “тепличен”, требует для себя подлинно честных работников-управленцев, и сейчас возможны лишь его имитации, типа “шведской модели”, но вполне вероятно, что к нему придут именно путем подобного “моделирования”.

И невероятно обидно, что наш горемычный и страшный советский путь, усеянный горами “жертвенных щепок”, трактуется и преподносится ныне новыми вождями — мыльно-пенисто и пузыряристо вздымающимися на смену проржавевшего шила старых структур власти — как путь не давший абсолютно никакого позитива. Невозможно поверить в то, что мы все же таки не “срезали угол” в общечеловеческом движении людей к счастью на Земле, что все наши жертвы оказались совершенно напрасными и теперь необходимо отступление к самому началу движения: к дикому этапу первоначального капиталистического накопления, варварского растаскивания народного достояния хищными. Обеспечь бы общество того же самого “реального социализма” достаточный контроль за властями, их обязательную выборность и сменяемость, открытость критике со стороны общественности, то и эта социальная система полностью жизнеспособна. Пусть она и менее эффективна экономически, но зато у нее масса других преимуществ. Запад бы локти кусал от зависти, утешаясь разве что лишь занесением числа этих укусов в Книгу рекордов Гиннеса! Чисто теоретически для успешного функционирования истинно социалистической системы необходимо “всего лишь” наличие некоего “честного ядра” (но честного без кавычек). Т. е. если нет встроенного самоконтролирующего механизма, то должен осуществляться постоянный профилактический осмотр всех звеньев системы. Именно такая роль отводилась штату вездесущих надсмотрщиков — “ходячих датчиков” в проекте “последекабрьского” общества П. Пестеля. К чему подобное отслеживание может привести, “хорошо” продемонстрировано НКВД–КГБ. Хотя вообще-то подобная система контроля не только может быть действенной, но она даже прошла успешное апробирование. Правда, с некоторыми “незначительными издержками”: это знаменитая служба поддержания порядка в гаремах евнухами.

Но пока что действительно невозможно приставить к власти честных людей и реально осуществимо для обществ лишь “движение с подлецами впереди”, и поэтому все усилия [49] общественности должны быть направлены на контроль за ними. В то же время все разговоры о крахе и несостоятельности социализма по меньшей мере некорректны: очевидно, что проиграл не социализм во всех “странах социализма” (как такового, социалистического общества еще не было в истории), а повсеместно и постоянно “выигрывали с подавляющим преимуществом” хищные бандократии правительств и их многочисленных сатрапов со своими сворами. А эти “победители” к

социализму никакого отношения не имеют, за исключением того, что их уверенно можно считать его “могильщиками”.

Удивительно созвучной видится позиция П. М. Абовина-Егидеса. “Из-за своей алчности и сластолюбия бизнесмены готовы идти на сделку с кем угодно, хоть с дьяволом, хоть с тоталитаризмом... Поэтому спасти демократию, современную цивилизацию может только социализм. Вне социализма человечеству грозит духовное вырождение и, возможно, физическое истребление” (П. М. Абовин-Егидес, “Принципы социализма”). “Главная трагедия фазы, в которой оказалась наша страна, вот в чем: идея социализма до сих пор — в руках лишь консерваторов, л идея демократии очутилась в руках антисоциалистов... Отвоевать поруганную идею социализма у консерваторов и идею демократии у антисоциалистов, синтезировать обе эти сущности, которые оказались разъятыми — вот основная задача нашего времени” (П. М. Абовин-Егидес, “Сквозь ад”). [50]

Государство и разум: ниспровержение эусоциальности.

“Некоторые считают, что если репрессии не нарастают, то нет и наступления социализма. Нет, репрессии не главное, а второстепенное средство, но необходимое, в области социалистического строительства”.

И. Джугашвили

“Я поклялся перед алтарем божьим, что буду вечным врагом любой формы тирании над разумом человека”.

Т. Джефферсон

Все большее “очеловечивание людей” имеет и свой “суммарный” результат — это усложнение общественного сознания и его гуманизация: становление коллективного Разума. Это привело к тому, что все более значительная часть современных суперанималов поневоле официально, на словах, выступает под знаменем добра и справедливости: этакое “шествие волка в овечьей шкуре”. Суггесторы же вынуждены теперь лицемерно проклинать коварство и лживость. Отсюда и проистекают перманентные попытки со стороны хищных повлиять на столь “неудобоваримую” для них социальную среду, что обычно достигается путем злоупотребления властью или же опосредованным способом — при помощи власти денег.

Таким образом, становится ясным, что гегелевское определение прогресса как процесса осознания свободы (Г. Гегель, “Философия истории”), неполно и односторонне, т. к. существует одновременный, и не просто неотъемлемый, а — обуславливающий прогресс, процесс закрепощения хищных в рамки социально приемлемого поведения, ибо прогресс — это уход от их понимания “свободы”, как безнаказанного отправления любых своих [51] агрессивных устремлений. И если не было бы их сопротивления, то не был бы и столь мучительным для людей прогресс: ибо кто же не хочет свободы?! Но в их руках сила и до сих пор. Правда, они пытаются найти для себя оправдания перед общественным мнением — в этом и только в этом и заключается влияние на них прогресса, и нужно отметить, что это весьма неприятное для них влияние. В прошлом же поиска подобных оправданий для собственной жестокости и лживости от них и не требовалось.

В этом контексте нахождение авторитариев у власти — это уже даже не анахронизм, но скорее и правильное — атавизм! Действительно: авторитарный стиль руководства уместен лишь при решении несложных задач — это азбучная истина социальной психологии, и с неизбежностью создается злоеший парадокс: задачи управления обществом к простым отнести никак нельзя, а в то же время все правительства в большей или меньшей степени, но всегда авторитарны, включая сюда и те случаи, когда за спиной безвольного и ничего не решающего правителя-марионетки (“болвана”) орудуют “теневые” — чудовища — “кукловоды”. Есть все основания полагать, что и западная “демократическая” парламентаристская многопартийная система взаимослежения и подсиживания, обеспечивающая вроде бы самозащитаемость от произвола властных структур, что и она — всего лишь фасад, а реальное управление осуществляют все те же “теневые кукловоды” финансовых олигархов.

Именно это несоответствие претензий авторитариев от власти, их наклонностей и устремлений с качеством тех задач, которые стоят перед обществом и для выполнения которых, собственно, власти-то и требуются, является главной бедой, исходящей от всех без исключения олигархических режимов. Ибо разрешается это противоречие таким образом, что хищные власти, не будучи в силах изменить свое поведение и авторитарную установку, вместо этого меняют эти самые — стоящие перед обществом, а следовательно, и перед ними бы — задачи, и ставят новые, не приносящие в итоге пользы уже никому: ни обществу, ни даже им бы самим. Сколько же этих бесславных падений Великих Царств, гибелей могучих Империй, постыдных бегств всемогущих диктаторов, которые при этом от страха “испускают горячую мочу и оставляют свой кал в колесницах своих” (“Анналы Синаххериба”). Вот это-то “подлаживание под себя” отношений в обществе и приводит, как и приводило раньше, к войнам и внутрисоюзным конфликтам и репрессиям. Т. е. именно политики — суперанималы и суггесторы из сфер “высокой политики” — конкретно запускают в действие механизмы репрессий и детонируют милитаристские взрывы. Таким образом, не “война — продолжение политики иными средствами”, а несколько иначе: политики — это жрецы-хранители огня войны, время от времени раздувающие его пламя. Хотя это и идет на [52] первый взгляд вразрез с традиционной гуманностью, но нужно все же признать, что с объективной точки зрения люди должны радоваться смерти авторитариев, и в особенности — “крупных”. Точно так же, как радуются избавлению от стаи волков или долгожданному убийству тигра-людоеда крестьяне — жители окрестных деревень. Радовались же смерти Сталина люди в лагерях.

Войны, убийства, бесчисленные насилия — вся эта многоэтажная чудовищность во взаимоотношениях людей является прямым результатом взбудораживания и агрессивной дезориентации мира человека хищными индивидами, получающими от этого психосоматическое наслаждение. Для них действительно есть “упоение в бою”, у них наблюдается ярко выраженное “безумство храбрых”, они подвержены в сильной степени “опьянению кровью”. И все это имеет буквальный смысл животного безумия, от которого они попросту не в состоянии избавиться: это их естественное видовое поведение. Они являются прямыми “чистопородными” потомками инициаторов аделфофагии, каннибализма. Собственно, они не прекратили этого своего занятия, но лишь “слегка подправили” его, модифицировали в усложнившихся социальных условиях. Но современная ситуация в мире такова, что “мавр сделал свое дело” и должен бы теперь уйти. Хищные должны быть лишены возможности удерживать человека разумного в состоянии невменяемого придурковатого чудовища, пляшущего под гипнотизирующую его хищную дудку.

Но дистанция между этим “должен” и реальным уходом хищных со сцены, точнее, отстранением их от социальной режиссуры, огромна. Еще О. Конт предлагал социальные реконструкции, предусматривающие отстранение от управления обществом всех его “идеологов”, в том числе — военных и политиков. Но человечество постоянно, изо дня в день демонстрирует свою безрассудность, и бессмысленно призывать его к разумному поведению и давать ему спасительные рецепты. Человеческие социумы по-прежнему сравнимы с неунывающими сообществами Бандар-Логов из “Книги Джунглей” Р. Киплинга. Все это делает невозможным предприятием собрать в ближайшие времена человеческий “здравомыслящий кворум”, несмотря даже на наличие уже значительного числа людей, осознающих опасность нынешней ситуации в мире. К сожалению, человечество лишено единства, люди продолжают оставаться враждебными друг другу..., и таким образом, человечество подобно порошку, который при сжатии не вступает в молекулярный контакт” (П. Тейяр де Шарден, “Феномен Человека”). Эта “химическая” несоединимость людей коренится именно в кардинальной неоднородности человеческого семейства — в его “этической несводимости”. [53]

Иисус Христос своим призывом “возлюбите врага своего” предпринял первую, оказавшуюся и последней, попытку вечного примирения людей, что в нашем контексте понимается их полным отказом от хищного поведения. Но, как известно, глобальная “рецептурность” этой универсальной доктрины объединения людей закончилась спаренным мировым всепобищем, главным образом, именно христианских государств всех до единой конфессий — истинно хищно-человеческим вариантом экуменизма. Вообще-то “неосведомленность” Христа о видовых различиях выглядит очень похожей на сохранение “врачебной тайны” в надежде на благополучный исход и без “хирургического вмешательства”, хотя и прозрачных намеков на серьезность и запущенность состояния человечества в христианстве более чем достаточно, вплоть до предупреждения о возможном летальном исходе (Апокалипсис). И то, что “излечения” человечества не произошло, в этом никоим образом вины “врачевателя” нет, ибо это очередной смертный грех людей — этого, воистину, сброда!! Ну как и вправду можно их назвать, какое есть проклятие в человеческих языках, которое бы в полной мере подошло к тому “воинствующему свинству”, что за две тысячи (!!) лет, уже отлично зная на собственной шкуре, “что такое хорошо и что такое плохо”, тем не менее продолжать убивать друг друга?!! Чтобы при всем при этом не “притереться” и не создать приемлемое житье-бытье, ну хотя бы уж — без войн и без чудовищных форм насилия?! И что

может быть еще более доказательным подтверждением кардинальной, видовой неоднородности человечества?! Ведь даже предполагая любую иную возможность возникновения человеческого разума, имея он любое иное происхождение — инопланетное, панспермическое, всекосмическое, или просто результат перехода количества растущего сознания в новое качество и т. д. и т. п., попросту невозможно не сделать очевиднейший и главнейший вывод: не убивали бы! не убивали бы в любом таком случае люди друг друга без возникновения крайности ситуации, и понимаемой к тому же как чудовищной и трагической.

Но как бы там ни было, но попытка объединения людей братской любовью во Христе завершилась бесчисленными братскими могилами (вот единственно на Земле те места, где “все люди — братья”!) всемирного смертоубийства, да и то остановленного лишь ядерным стоп-краном ГВУ, гарантированного взаимного уничтожения. Но скорее всего некоторых “братишек” не остановит и это “мелкое препятствие”, да и к тому же не теряющих времени даром — скоренько поведших дело к гибели планетарной цивилизации “другим путем”: экологическим. Так что если спасения планеты не произойдет в ближайшее время, то будущее человечества будет в таком случае обречено уже более страшной ценой — скорее всего путем гибели большинства человечества. Ибо все очень и очень похоже на то, что если [54] человечество в самое ближайшее время (буквально сейчас!) не образумится (а вероятность этого ничтожна!), то оно должно будет еще раз “сойти с ума” от страха и ужаса: для “сурового воспитания” в себе уже истинного Разума взамен нынешнего “ветхого” полуразумия, ставшего теперь смертельно опасным своей ограниченностью. И как бы громко сие не звучало, но это будет (если будет!) уже Разум осознания своей причастности ко всей Вселенной и, следовательно, своей ответственности перед ней. Вот для этого осознания и потребуются столь крайнее средство: воздействие некоего Сверхстрадания, его приход необходим для того, чтобы всем все стало ясным, что к чему в этом “прекраснейшем из миров, в котором все, что ни делается, все — к лучшему!”. И эта парадоксальная сентенция наиболее точно отражает конечную суть этого метода воспитания, техническую сторону которого можно выразить в терминах наиболее приближенных к современному уровню разумности людей, как “ткнуть человечество мордой в его же дерьмо” — в экологической, ядерной или дыроозонной консистенции. А это и впрямь весьма смахивает на Конец Света и Страшный Суд, скорое получение повестки на который человечество столь рьяно себе обеспечивает...

...Но может быть все не так уж и страшно? Может быть мы “за деревьями не видим леса”? Попытаемся же подняться над “людскими чащобами”...

Жизнь — наследница одной-единственной бесконечно делящейся и применительно к “жизненным условиям и обстоятельствам” беспредельно модифицирующейся клетки. Функционально, структурально Жизнь является в себе самой самовозникновением (рождением) и себя самой самоуничтожением (смертью, утилизацией). Жизнь образует на Земле систему трофических цепей, систему иерархического поедания живых организмов. Рассудок также возник в результате самоуничтожения вида Гоминид с целью опять-таки поддержания жизни этого же вида, т. е. для самосохранения. Произошло как бы “короткое замыкание” одного из участков трофических цепей. На самом важном для нас — человеческом — участке этой системы наличествует следующее: биологический фундамент мозга со всей сложностью его организации и жизнедеятельности, включенностью его в общую биосферу, и хищный фундамент рассудка. Другими словами, иерархия биологической утилизации соответствует существованию Жизни на Земле, подобная же система жестокого иерархического насилия в одном семействе соответствует существованию рассудка у человечества.

Все шло напрямик к Эусоциальности — “истинной социальности” — точно такой же, как и у общественных насекомых. Само собой напрашивается определение способа происхождения рассудка, как некоего метаморфоза (антропоморфоза). Да и вообще с эусоциальными насекомыми у [55] человечества далеко не случайно действительно наличествует наибольшее сходство. Мир насекомых наиболее близок человечеству по своей жутковатой организации и поставляет наибольшее число прискорбных для людей аналогий и параллелей. Так и нынешнее положение человечества, нахождение его на перепутье — страшном и небывалом — определенно напоминает стадию нового метаморфоза: непосредственный интервал “между гусеницей и бабочкой”. Демографический же взрыв при таком сопоставлении ассоциируется со стадией “имаго” у “эудрузей человека” — этой, только именно насекомым присущей, взрывной формой размножения. Муравейник можно определенно считать рассудочным, у ученых еще совсем недавно не было никаких в этом сомнений: мирмекологи всех стран объединились не на шутку вокруг “тайны скрепленных антенн” (муравьиных усиков) — шли лихорадочные поиски языка общения с муравьями. Но в то же время сам муравей ферментативно детерминирован. Эволюция общественных насекомых, таким образом, дошла до своего тупикового предела, остановившись миллионы лет тому назад на фиксированной рассудочности эусоциумов: роев, термитников, муравейников.

Выходом из этого тупика и явилось создание образования автономно рассудочных существ: раннего человечества, вплоть до “осевого времени” “исповедававшего” чистую Эусоциальность. Индивидуальный рассудок мог дать новый уровень по сравнению с детерминированными муравьями или пчелами. Таким образом все эти племенные, государственные образования, структуризированные объединения людей являются эусоциальными организмами. Но в то время, как муравейник или рой организованы гораздо более высоко в сравнении с отдельными муравьями и пчелами — его “гражданами”, то у людей эусоциальные организмы — государства не имеют подобного интеллектуального превосходящего уровня над индивидуумами. В настоящее время большинство государств, рассматриваемых в качестве социально-психологических единиц, “госиндивидов”, функционируют лишь на уровне имбецильных детей, отличаясь разве что большей злобностью. В принципе, уровень государственности, его строгая рассудочность в конце концов могла бы подняться выше уровня граждан, но лишь при условии... одновременного процесса стагнации и деградации членов таких высокоорганизованных, регламентированных и церемониальных сообществ. Собственно, именно к этому и шли восточные групповые общества, там были доколумбовы цивилизации Америки, туда же напрямик отправился и казарменный “социализм”. Подобные “униформические требования” к гражданам эусоциальных обществ продиктованы именно хищным характером “государственного строительства”, методикой его “прорабов”, безжалостно устраняющих малейшие шероховатости и неровности “человеческих кирпичей”. Эта [56] прокрустова “технология” есть следствие нравственной “недостроенности” самих хищных: проявление наипростейшего комплекса неполноценности.

Но помешало этому “строительству”, дезорганизовало его вторичное “короткое замыкание” этой уже складывающейся системы, лавинообразно набирающей скорость в своем движении к Эусоциальности, оно и не позволило продолжиться процессу “прогресса к Сверхуюлю” спокойно. В этом эусоциальном “спокойствии” войны совершенно естественны, и они являются неотъемлемым атрибутом “высокоорганизованной” общественной жизни, точно так же, как и у термитов с муравьями (муравьи-солдаты — каста кшатриев), ибо войны не что иное, как проявление спокойной, здоровой истинной социальности. Именно здесь коренится та страшная правота часто встречающихся рассуждений о некоей “оздоровительной” и “санитарной” пользе войн для физического и духовного здоровья наций — все это следствия и отголоски прямого движения человечества к Эусоциальности. Таково же примерно значение и весенних удушений стариков у северных народов, предстающих однопланово с осенними изгнаниями из ульев трутней рабочими пчелами.

Дополнительный (и уж не побочный ли?!) продукт этого “вторичного “короткого замыкания” — это Разум. Именно он расточил Эусоциальность и продолжает ее ниспровергать. В будущем (если оно состоится для людей) государств не может и не должно быть, как не должно быть и правительств нынешнего типа (— хищных банд, “руководящих” разумными существами), в противном случае эта участь постигнет Разум. Ибо государство и Разум дихотомичны: либо оно, либо — Он!

Разум появляется в мире позже рассудка, и возникает на его основе. Разум — это то, что приводится в действие “маховиком рассудка” и определяет “этическое наполнение” сознания. То, о чем человек думает, и есть его истинная сущность. Поведение можно модифицировать, подладить или, как это делают суггесторы, видоизменить его с преступными или корыстными целями, сознание же неподвластно человеку, хотя и можно как-то его заглушить: алкоголем, наркотиками, или же “сменить полностью”: сойти с ума. Рассудок возникает на основе постоянного форсажа инстинкта самосохранения, в результате обретения способности мысленного предвосхищения телесных страданий и смертельной угрозы. Разум же возрастает на почве уже душевных, осмысленных психических страданий самого высокого уровня и накала, вызванных давлением общества эусоциальной направленности на индивида, потенциально готового к разуму: т. е. достаточно высокорассудочного диффузного человека, понимаемого в качестве неагрессивного обладателя рассудка.

Разум занимал свое истинное место в мире крайне медленно, так же как и христианство — рабская религия, одинаково также у [57] них и место возникновения — это угнетаемая часть общества. Отличие у них лишь в том, что у Разума и до сих пор “птичьи права” в обществе, в то время как официальная религия, взятая некогда на вооружение (!!) хищными, построила свои пышные храмы, чего никоим образом не мог бы требовать Христос. (Здесь имеется в виду, конечно же, не великолепие и богатое убранство культовых зданий, но — корыстность и эусоциальность “организованной религиозности”). Разум развивался подспудно в угнетаемой части общества и в начале своего развития не имел никакой силы, и лишь при достаточном взаимоистрблнении и закреплении хищных он начинает свое легальное существование, время от времени получая страшные удары Эусоциальности. Предельное свое развитие он получает в кругах герметических и эзотерических течений, вынужденно всячески уходящих, ускользающих от государственных структур, что вызывает естественные подозрения в существовании

“международного заговора”. Если такой заговор и существует, то его могут готовить и осуществлять исключительно хищные.

Интерпретируя Разум, как осознание “добра и зла”, как негативность оценки существования в мире насилия, нельзя не заметить, что альтернативным “человеческому пути” его становления (т. е. через взаимоуничтожение) явился бы путь наблюдения чужой жестокости: производство осуждающих выводов из лицемерия функционирования системы трофических цепей, иерархического поедания в биосфере Земли. Падальщикам-гоминидам и впрямь была уготована как бы роль зрителей, они в общем-то выпадали из этой системы, не будучи хищниками, они были как бы “ни при чем” на этом кровавом “празднике жизни”, собирая лишь “крохи падали” с пиршественного стопа настоящих хищников. Возможно, что в таком случае человек не был бы таким “умным”, как при хищном варианте становления, и его рассудочная деятельность не обострилась бы до такой степени. Человек стал бы тогда более “идиотическим”, но и не злым, подобное соотношение чувствуется и сейчас: “добрый” — он же часто и “дурачок”. И декларируемый нами переход к нехищному миру наверняка вызовет потускнение этого “яростного и прекрасного” смертоубийства. Лишь со временем можно было бы ожидать от этого нового мира (структурально выстроенного по системе: пастыри — паства — “новые илоты” из числа поставленных на свое заслуженное место хищных) его “восхождения”, подобно заквашенному тесту: медленно, но верно, и в итоге лавинообразно.

Но осознания чужой жестокости не произошло (да и своей-то еле-еле!), и таким образом люди оказались в Школе Жизни двоечниками, как бы существами второго (третьего, четвертого,...?) сорта, а возможно — и браком эволюции! Именно поэтому гоминид и перевели, как уже неисправимого второгодн... миллионногодника в совсем другую Школу, с совершенно иными “педагогическими” приемами и методами, но и здесь он [58] продолжает выявлять себя исключительно бестолковым и мерзким “учеником”. Так что человечество должно наконец-то снять с себя нелепый наряд “богоподобия”, отбросить далеко в сторону украшение “венца творения” — созданного по образу и подобию очень красивой пустой консервной банки, водруженной на голове. Ибо все это откровенно хищные выдумки, авторство суггесторов несомненно: в них наличествует как полное отсутствие самокритичности, так и непомерная наглость в притязаниях. Все это типичное поведение выскочки, попавшего “из грязи в князи” и теперь бесстыдно отрекшегося от собственных родителей, придумавшего себе “благородную аристократическую” генеалогию.

Признав же себя тем, кем он на самом деле является, человек, горестно вздохнув, смог бы продолжать свой путь уже гораздо свободнее и увереннее, избавившись и от иллюзий и от сомнительных надежд — этих необоснованных ориентиров в открывающемся ему Мире. И только при такой предельно честной позиции Человека возможно станет возможным его реальный выход на более высокий уровень Мира, “простой ветвью которого и является Жизнь на Земле”...[59]

Заключение.

В свете обрисованной в основных своих чертах концепции кардинального различия людей совершенно по-иному, более отчетливо и ясно видятся все основные вопросы социологии, истории, искусства. Религии. Если это и не новый уровень, то по крайней мере — это новая и более определенная позиция, позволяющая ставить более конкретные и емкие вопросы Бытию. Если воспользоваться игровой терминологией, с каламбурным подтекстом “вся жизнь — игра”, то станет ясно, что наша новая позиция в карточных играх соответствует моменту вскрытия прикупа. И хотя это “новое знание” может оказаться весьма существенным для дальнейшей судьбы человечества, но так как оно все же носит дискредитирующий и далеко не лестный для людей характер, никак не способствующий его позитивному восприятию, и кроме того оно явно невыгодно суперанимамалам и суггесторам, а сила пока еще в руках этих “динатов” — сила незнания, то поэтому естественно ожидать стремления оставить это знание навсегда в прошлом: “зарыть прикуп, не содержащий козырей”.

Но давно уже пришла пора довести до всеобщего сведения всю эту “историю с человечеством” и достичь осознания простыми людьми той духовной пропасти, которая изначально лежит между ними и заправляющими в этом мире хищными “динатами”. Нужно отметить, что понимание этого кардинального различия давно уже носится в воздухе, существуют сотни и тысячи описаний и фиксаций на каждом шагу его проявлений. Так что давно уже назревала необходимость более четкого формулирования и сведения воедино разрозненных фактов, концепций и гипотез, что и сделала предложенная Концепция (конечно же далеко не самым лучшим образом, здесь требуется работа сонма ученых плеядного типа), главная сила которой состоит именно в компилятивности, которая понимается здесь как удача в собирании из разрозненных кусочков и

фрагментов некоей цельной картинкой, но своей сути сравнимой с изобличающей преступника фотографией. Результаты подобного прозрения человечества могут стать впечатляющими. Вполне возможно, что это и вызовет поначалу жуткую реакцию со стороны хищных, похожую по своим внешним признакам на беготню крыс и суету тараканов при включении наконец-то долгожданного света в мерзко запущенном жилище. Но все же, в конце концов, должен будет оформиться некий — в общем-то терпимый и достаточно либеральный — социальный бойкот хищных, некое подобие безразличного отношения японцев к своим буракуминам. И если не принимать во внимание неоправданное — точки зрения европейцев — ханжество японцев в этом вопросе, то здесь можно увидеть явную аналогию. [60]

Буракумины убивают животных — они, собственно, мясники (весьма “уважаемые” люди в других странах). Хищные же убивают и — в “лучшем случае” — мучают людей. Т. е. японцы создали в некотором смысле если и не прецедент, то уж во всяком случае — социальный рабочий макет. Конечно же, сравнимо это все между собой в такой же точно степени, в какой японские карликовые сосны и дубы в уютном домике можно сравнивать с настоящим лесом во время бури.

Тем не менее, результаты подобной “всеобщей забастовки” человечества трудно переоценить. Это — как бы шагнуть на следующую ступень, автоматически оставив на нижней войны, государственные репрессии и чудовищные формы насилия. Без вмешательства хищных человечество двинулось бы вверх, уже не отягощенное парой равновесистых ядер — “добра и зла” — на ногах, а лишь преодолевая постоянную, но в общем-то весело разрешаемую проблематику в русле “ума-недоумия”, при объективном взгляде на вещи не имеющую права быть для кого-то обидной: все люди по большому счету “хоть и умные, но дураки”.

Но людям необходимо оценить реальные усилия, которые от них потребуются при совершении такого шага восхождения. Дело в том, что то дружное взаимоистребление, которое начали хищные, подняв как знамя ухваченную ими “кость добра и зла”, просто так, одномоментно закончиться не может, ибо для хищных окончание этой борьбы означает также и конец для них самих: как в социальном плане — в виде вырождения старой морали оправдания некоторых (якобы справедливых) форм насилия, так и в смысле самого их физического существования — они попросту не смогут жить в мире без насилия, те же войны для них — это лучшая пора в их жизни, “война, бой — вне этих слов они не знают истинного счастья” (здесь имеется в виду не “счастье” рядового, не “величие и неволя солдата”, но именно “командирские радости”). В мирное время этот нестерпимый зуд стремления к борьбе ради борьбы приводит к тому, что хищные начинают поиск и создание врагов, подобно тому как азартный без меры картежник ищет себе партнеров среди кого угодно, соглашаясь играть на самых смехотворных условиях. Но к сожалению, создание врага хищными имеет совершенно иные масштабы, что и делает жизнь людей столь невыносимой и нестабильной. Ведь все эти Михасевичи, Сивко и другие Джеки-Потрошители — в одиночку режущие и душащие женщин и детей маньяки, вышедшие на звериную тропу своей “свободы” — совершенно справедливо признаются медэкспертами нормальными, т. е. здоровыми: у них действительно нет ни малейших психических патологий или умственных (— рассудочных) расстройств. Но у них нет разума: хищные морально невменяемы по выражению Гегеля, и то, что их расстреливают, совершенно справедливо, но в то же время “эффект” этого отстрела слишком [61] ничтожен для достаточного бы “очеловечивания человечества”, ибо они — всего лишь немногие “сдуру выскочившие на свет”, не смогишие удержаться в социальных структурах, в то время как большинство их “коллег по зверству” оставшихся на “боевых” постах (!) орудуют не менее чудовищным образом, с тем лишь отличием, что их деятельность носит опосредованный характер, большинством людей не то, чтобы не замечаемый, но скорее — вытесняемый из сознания до тех пор, пока ужас не коснется их лично, чужое горе по-прежнему мало кого волнует, и в этом плане эгоистичная беззаботность людей — наследие приматов - необычайно отягощает их.

Так что до тех пор, пока хищные не будут “профессионально” переориентированы и отстранены от любой работы с людьми, так оно и будет все по-прежнему: т. е. продолжится страшный, но уже недолгий, путь человечества в — уже последнюю — пропасть... Dixi. [62]